

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК XX И МИР

EL SIGLO XX Y LA PAZ

DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN

В НОМЕРЕ:

**К НАУЧНОМУ КАПИТАЛИЗМУ —
КРАТКИМ КУРСОМ**

Поворот государственной политики

**ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ
ЕВРАЗИИ**

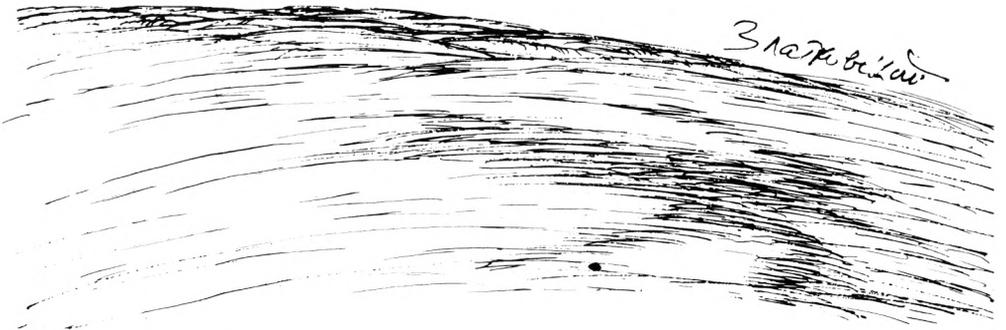
Красная Армия в многоцветном мире

ИДОЛЫ? ВОЖДИ? МАГИ?..

Новая пресса о новых политиках

ISSN 0320 8001

6/90

Закриван

В НОМЕРЕ:

ПОЧТА

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Острый вопрос

В. ШАРЫГИН. СПАСИТЕ НАС

Страна в движении

А. ИЛЛАРИОНОВ. РЫНОК ЕВРАЗИИ

Л. ПИЯШЕВА. ПРОЩАЙ, СОЦИАЛИЗМ!

«ЖЕСТКИМ КУРСОМ...»

7
12
15

Актуальная тема

В. АБРАМКИН. ОСОБО ОПАСНЫЕ СТАРУШКИ

20

Проблемы и суждения

В. АЛТАЕВ. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР

27

О правде в нас и вокруг нас

М. ГЕФТЕР. ПОРОГ

32

Свобода печати

**ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В ПОЛИТИКЕ: ГЛАЗАМИ НЕ-
ЗАВИСИМОЙ ПРЕССЫ**

Е. АНАСТАСИАДИ (*«Свободное слово»*), С. МИТ-
РОХИН (*«Панорама»*), А. ШЛЕГЕРИС (*«Согла-
сие»*)

37

Эссе

Г. ГУСЕЙНОВ. СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

42

Научная публицистика

Л. АБРАМЯН. РОССИЯ НА КАРНАВАЛЕ

45

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

На второй странице обложки — рисунок «На коне» Михаила ЗЛАТКОВСКОГО (Москва).

На третьей странице обложки — «Особо опасные...»

Фото Владимира КУПРИЯНОВА.

«Уважаемая редакция...»

Маленькие хитрости демократии

Сейчас в прессе, по телевидению, с трибун раздаются призывы к более широкому использованию демократических процедур: голосования, референдумов и т. п. и почти никто не обращает внимания на тот факт, что Сталин всегда строжайше придерживался правил процедурной демократии и все его решения формально были коллегиальными. История буквально переполнена примерами того, что демократические процедуры никак не защищают общество от самых страшных преступлений; и Сократа приговорил к смерти один из самых демократических судов в истории.

Рассмотрим несколько абстрактных примеров. Пусть имеются три человека: А, В и С. Им предстоит принимать решения, проекты которых предлагает лицо Икс. Каждый может проголосовать либо за, либо против.

Первое предложение: повесить жалование А и В, посадить за решетку С. Если А, В и С руководствуются своей непосредственной выгодой, проект должен быть принят большинством в 2/3 голосов (А и В — за). Икс предлагает новый проект: повесить жалование А, посадить В и перевести в лучшую камеру С. Большинство голосов и этот проект будет принят и реализован. Теперь Икс вносит предложение: посадить А, одновременно улучшив содержание в тюрьме В и С. И это предложение, конечно, принимается большинством голосов. Таким образом, в результате трехкратного свободного волеизъявления три свободных личности оказались за решеткой!

Их ни к чему не принуждали. Они имели возможность отвергнуть все предложения и жить по-прежнему. Икс не только не «давил» на них, но даже не участвовал в голосовании!

При всей нереальности этого примера он явно напоминает что-то из нашего недавнего прошлого: доносчик получает жилплощадь арестованного, чтобы завтра отправиться вслед за ним. Большинство травит меньшинство, чтобы завтра из этого же большинства выделилось новое меньшинство. Сегодня Икс в блоке с большинством празднует победу, чтобы после следующего «поворота тележки» выкинуть из нее недавних союзников.

Еще один парадокс был описан математиком М. Айзерманом. Пусть имеется коллектив из 100 человек, пронумерованных так, что каждый следующий имеет более высокие доходы, чем предыдущий. Предложим для голосования следующий вариант: пусть каждый получает столько, сколько получал следующий за ним, а сотый — столько, сколько раньше имел первый. Очевидно, предложение будет принято 99 голосами против одного. Заново пронумеруем участников по возрастанию доходов и повторим предложение. Оно вновь будет принято 99 голосами. После 100 таких голосований коллектив вернется к той ситуации, которая была в самом начале.

Обобщим ситуацию. Предположим, что решения принимаются большинством (или большинством в 2/3, или в 3/4 — это неважно, только не единогласно); что каждый посту-

пает так, как ему сейчас выгоднее; что на голосующих никто не оказывает никакого давления, и руководители процедуры даже не участвуют в принятии коллективных решений. Кажется бы, что может быть естественнее и демократичнее такой ситуации! Однако теория динамического голосования доказывает, что при этих условиях **любое** собрание можно привести к **любому** заранее принятому решению.

Разумеется, можно требовать от голосующих, чтобы каждый из них «думал не только о себе», чтобы избиратели «подумали о будущем», «забыли о своей выгоде». Но эти требования несерьезны, они не учитывают сложности процессов человеческого выбора. Даже люди, полностью отказавшиеся от эгоистических устремлений, все равно имеют разные взгляды, а подыгрывать **мнениям** избирателей можно точно так же, как и их корыстным интересам. Следует признать, что в типичной ситуации голосования коллектив избирателей практически беззащитен перед применением тактики «мелких подачек большинству». Где же выход?

Вернувшись к первому примеру, мы можем убедиться, что лица А, В и С оказались за решеткой из-за того, что Икс применял тактику «мелких подачек большинству», позволяющую жестоко притеснять меньшинство. Потери меньшинства значительно превосходили выигрыш большинства, однако, решение все же принималось, потому что все голоса учитывались одинаково, независимо от величины приобретения или ущерба.

Еще раз взглянув на приведенные примеры, мы видим следующее. В первых, там, где интересы меньшинства приносятся в жертву интересам большинства, демократические процедуры могут привести к самым страшным последствиям. Во-вторых,

огромную роль играет лицо, предлагающее проекты решений. Даже если оно само не принимает никакого участия в голосовании и если избиратели имеют право отвергнуть любую его программу, при умелом составлении программ оно имеет большие шансы достичь своей цели.

Некоторые выводы из этого, на наш взгляд, не вполне очевидны.

Первое. Особое внимание должно уделяться защите прав меньшинства и — особенно — отдельной личности. Необходимо правовая защита личности от посягательств большинства. Необходимо, чтобы законы, охраняющие права отдельной личности, нельзя было отменить **никаким большинством голосов** — даже единогласно! Для этого нужна в первую очередь переоценка общественных ценностей — понимание того, что благо **каждого** выше блага **всех**.

Второе. Необходимо обязательное альтернативное обсуждение любого выдвинутого «сверху» предложения. Ясно, что если предложить на выбор: сталинизм или гитлеризм — мы далеко не уйдем. Нельзя оставаться в плену предложенных альтернатив: А или В. Почему не С, Д, и так далее?

Третье. Следует всемерно расширять круг лиц, имеющих право **предлагать** новые проекты. Нельзя допустить, чтобы цели предлагающих существенно расходились с целями тех, кто принимает решение.

И последнее, уже неоднократно называвшееся в печати, требование. Тот, кто предлагает проект для голосования, должен быть известен голосующим. «Товарищ Икс» должен обрести имя.

Павел ЧЕБОТАРЕВ,
кандидат физико-математических наук,
Борис КОЧУБЕЙ,
кандидат психологических наук,
г. Москва.

Курс — на средние слою

Один из основополагающих вопросов всякой политики — отношение к

средним слоям. Именно так, кажется, необходимо сформулировать про-

блему и задачу, а не только отношение отдельно к рабочему, крестьянину, специалисту, кооператору, интеллигенту и т. д. Раз развивается кооперация и индивидуальное предпринимательство, неизбежно встает вопрос об уровне доходов и разделении занятого населения на различные группы именно на основании уровня доходов.

Средние слои — это слои людей разного, не наивысшего, но всегда приличного, приличествующего человеку и гражданину общества достатка. Это — крепкие сельские хозяйства, крепкие городские ремесленники, торговцы, это — квалифицированные рабочие, специалисты (техники, инженеры, врачи, юристы, администраторы-управители — из тех, кто не входит в олигархическую верхушку), интеллигенция (научные работники, люди искусства — тоже из тех, кто не входит в олигархию). Эти группы легко объединяются по своим доходам и по своему противостоянию монополистическому и тоталитаристскому диктату в единое понятие **средние слои**.

Средние слои есть становой хребет комфортного стиля жизни, какой он имеет в высокоразвитых зарубежных западных странах. Качество жизни средних слоев не таково, чтобы создать импульс работать «не щадя совести», лишь бы попасть в эту категорию — и не выпасть из нее. А раз нет сильного, процветающего, имеющего комфортный стиль жизни слоя, то возникает жесткое противостояние олигархии и большой массы людей с нищенским качеством жизни. Такая поляризация всегда и неизбежно ведет к экономическому нездоровью, бедствиям, к сильной социальной и политической конфронтации. Мы это сейчас видим (в том числе и в виде экстремистских группировок, в виде роста преступности).

Острота проблемы средних слоев очевидна. Надлежит холить, лелеять средние слои, как холят плодород-

ный, культурный слой земли. Поддерживать средние слои, имеющие достойный уровень и достойное качество жизни, причем достойные в западном, без скидок, понимании, то есть уровень жизни весьма высокий, комфортный. Лелеять не олигархию, но именно средние слои, дав собственность на землю, свободный рынок, свободно обращающиеся акции, возможность прямо, а не через «каналы», предприятиям, учреждениям, земледельцам зарабатывать валюту и т. п.

Отсутствуют пока и политические шаги навстречу средним слоям. Нельзя не видеть, что существование не одной, а нескольких партий дало бы возможность более многообразно и действительно защищать интересы разнообразных слоев населения, чем это имеет место сейчас. Исторически сложилось так, что КПСС — это партия, в первую очередь, индустриального развития и гигантских планов. Партия тесно срослась с олигархией. Положение в стране существенно выправилося бы, если бы возникло несколько партий, и, особенно, партий, выражающих интересы средних слоев: Крестьянская (или аграрная) партия, Партия Зеленых, Партия защиты демократических прав. Эти партии обязательно будут противостоять монополизму военно-индустриального комплекса и командно-административным методам, с одной стороны, всем видам экстремизма, с другой.

Значительная часть народа готова к конструктивной политической деятельности, а если ей не открыть ворота, люди будут продолжать работать вразвалку, время от времени вставая на острую социальную и политическую конфронтацию (и тогда — опять репрессии?).

Ольга ТУГАНОВА,
доктор исторических наук,
г. Москва.

Кто же мы?

В ходе работы одного из научных семинаров на Географическом факультете МГУ группе участников (студентов и сотрудников) был задан вопрос: назовите три страны, которые, вместе взятые, могут дать представление об СССР человеку, о нашей стране не знающему ничего.

Ответы давались независимо и затем обсуждались. Был получен своеобразный портрет СССР в координатах, обязанности которых выполняли образы соответствующих стран. При обсуждении удалось свести список к 19 странам. Вот он (по убыванию частоты упоминания): Китай, США, Болгария, Бразилия, Канада, Польша, Франция, Иран, Германия, КНДР, Югославия, Испания, Финляндия, Греция, Индия, Куба, Ливия, Турция, ЮАР. Четверть всех оценок уподобляет СССР Китаю, ровно столько же — США и Канаде, взятым вместе; чаще всего в «трояках» встречалась пара Китай-США.

Обсуждение участниками семинара (географии) выявило значительное единство мотивов выбора стран, обращение к которым проясняет образ нашей страны. Опишем их, придерживаясь данных в живом, обсуждении непосредственных и в общем согласованных формулировок.

Китай — огромная социалистическая страна, не похожая на все другие; историческая судьба и современные реформы. **США** — тоже сверхдержава, близка размером, огромное разнообразие природных условий и образа жизни; сходство национального характера и проживание своей исторической миссии — быть остальному миру образцом.

Болгария — похожа на юго-западную часть СССР, образ жизни, «братья-славяне». **Бразилия** — контраст освоенной и неосвоенной части, экономическое развитие ценой экологической катастрофы (сведение лесов Амазонки), основа экспорта — сырье и оружие. **Канада** — огромная страна с близкими природными условиями, малоосвоенная, велика роль степи в сельском хозяйстве:

много выходцев из России. **Польша** — сходна с западной частью СССР, вариант развития части бывшей Российской империи, общность структуры промышленности и напряженность политического положения. **Франция** — значительная централизация жизни в пространстве (гипертрофия Парижа), влияние на культуру России; эмиграция.

Иран — историческая судьба (трагедия ускоренной модернизации), террористический энтузиазм послереволюционного режима Хомейни (аналог сталинизма), экспорт сырья. **Германия** — традиционный соперник-враг и образец. **КНДР** — экономический и политический изолят, «тупик социализма». **Югославия** — федерация из резко различных частей, обостренность международных проблем; экономика — кризис и реформы.

Испания — близкий уровень экономики, стык с мусульманским миром. **Финляндия** — образец альтернативного развития окраины бывшей Российской империи («финляндизация» как актуальная модель), разумное сочетание капитализма с социализмом.

Греция — православная страна сходного уровня развития. **Индия** — большая, многонациональная, формально федерация; конфликт двух разных ведущих культур (хиндиязычной и дравидийской — аналог славяно-христианской и мусульманской). **Куба** — страна революции, победившей во враждебном окружении. **Ливия** — революционный энтузиазм, переходящий в военное вмешательство в дела соседей; существование за счет экспорта сырья. **Турция** — экономическая модернизация бывшей империи, высокая роль государства; сходный уровень развития экономики. **ЮАР** — обостренное противостояние расовых групп, перевес экономики в сторону экспортно-сырьевых отраслей, тяжелой и военной промышленности; тоталитарный режим.

Владимир КАГАНСКИЙ,
г. Москва.

Северо-западный ковчег

Ученые и политики Сибири, Урала и Дальнего Востока рассматривают возможность автономного выживания в условиях кризиса всей системы.

Историко-географическое положение Северо-Западного региона, в частности, Ленинграда и области, служит естественной предпосылкой для создания там особой экономической зоны.

В августе 1989 года группой авторов (Анатолий Денисов, Николай Диденко, Михаил Игнатьев, Юрий Ярмагаев и Анатолий Зелинский) была разработана концепция регионально-экономического самоуправления, предусматривающая, среди прочих мероприятий, восстановление института частной собственности и раздел «общенародной» собственности (как средство производства, так и земли). Принятие концепции приблизило бы экономику региона к экономике западного типа, не теряя связей с экономикой страны.

Предполагается, что в состав региона на добровольной основе могут войти следующие административные единицы: Ленинградская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Мурманская и Архангельская области, а также Карельская и Коми автономные республики. Если они все согласятся участвовать в этом экономическом эксперименте, то население региона составит 12,9 миллиона человек, а площадь — 1,66 миллиона квадратных километров.

Проводится раздел земли, то есть вся земля обретает конкретного владельца: часть земли в виде подушных наделов бесплатно передается населению, часть — колхозам и совхозам, вся остальная земля — местным Советам;

В регионе организуется свободный рынок земли и рынок аренды земли, при этом собственники земли могут свободно продавать землю, покупать ее, сдавать и принимать в аренду на рыночных условиях;

Вся общественная собствен-

ность на средства производства переоценивается, выражается в форме ценных бумаг и делится между работниками предприятия, государственными министерствами и ведомствами;

Организуется свободный рынок ценных бумаг;

Для управления предприятиями создаются Советы собственников, которые, совместно с СТК, формируют Совет директоров для оперативного руководства производством, принимают решения о развитии, распределяют доход;

Создается специальный орган экономического управления — Региональный экономический совет — для согласованной политики всех областей, вошедших в регион.

По мнению авторов, предлагаемый комплекс мер, позволит изменить главное — стереотип поведения в сфере производства и хозяйствования. Фактически, объем собственности, перешедшей в руки населения, окажется небольшим, а изменения в «административно-командном аппарате» в первоначальный момент — ничтожными. Дальнейшие изменения, включая форму, методы и порядок денационализации, будут определяться экономической самостоятельностью производителей и потребностями населения, что обеспечит, по мысли авторов, торжество здравого смысла, справедливости и примата общественных интересов над государственными.

Стремительность и разнообразие происходящего в коммунистическом лагере ошеломляет. По какому сценарию будут развиваться события в Советском Союзе — по Берлину или Бухаресту?

Огромность территории, инерционность общества и возникшие центробежные силы позволяют легко представить возможность независимого развития различных регионов. И поскольку такой вариант представляется возможным — надо быть к этому готовыми.

РЫНОК ЕВРАЗИИ

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ СОВЕТСКИХ ЭКОНОМИК

А. ИЛЛАРИОНОВ,
г. Ленинград

Процессы национального возрождения охватили практически все нации и народности Советского Союза. Ведущим лозунгом во многих регионах страны, синонимом перестройки в межнациональных отношениях стало требование **суверенитета** — суверенитета союзных республик, автономий, наций.

Необходимость осуществления длительного суверенитета союзных республик опирается, в частности, на значительное разнообразие условий жизни в национальных регионах страны.

С одной стороны, существуют трудоизбыточные республики Средней Азии и Азербайджана, с высоким уровнем рождаемости, большой долей молодежи, низкой долей лиц пожилого возраста и пенсионеров, относительно невысокими уровнями занятости в народном хозяйстве и квалификации работающего населения. С другой стороны — трудонедостаточные прибалтийские и славянские республики с низкой рождаемостью, низкой долей молодежи, высокой долей пожилых людей и пенсионеров, высоким, часто предельным уровнем занятости в народном хозяйстве и сравнительно высоким уровнем квалификации работающего населения.

Демографическое давление (отношение числа неработающих к числу работающих) на 100 занятых коле-

блется от 93 в Латвии до 247 в Таджикистане. В то время, как практически все женщины трудоспособного возраста в Латвии и Эстонии заняты в народном хозяйстве, кооперативах, ИТД, — в Средней Азии и Азербайджане уровень женской занятости равен 50—70%. По сравнению с прибалтийскими республиками, славянскими республиками и Грузией, в народном хозяйстве которых не занято 11—15% мужского населения трудоспособного возраста, в Армении, Таджикистане, Киргизии, Узбекистане и Азербайджане «свободно от работы» 26—30% трудоспособных мужчин. Их общая численность достигает внушительных величин: в Узбекистане — 1,6 млн., Казахстане — 1,0 млн., Азербайджане — 680 тыс., Таджикистане — 440, Киргизии — 320, Туркмении — 240, Армении — 230 тыс. человек.

Такое количество безработных мужчин создает весьма криминогенную и чрезвычайно взрывоопасную в социально-политическом плане обстановку в задыхающихся от перенаселенности среднеазиатских оазисах и кавказских ущельях.

Существование трудонедостаточных и трудоизбыточных регионов требует проведения в них различной, а часто и прямо противоположной демографической политики и политики в области занятости. В условиях

отсутствия реального республиканского суверенитета осуществление разнонаправленных стратегий едва ли осуществимо. Продолжение же единой по всей территории страны политики, в первую очередь демографической, как это имеет место до сих пор, лишь усложняет существующие проблемы и обостряет накопившиеся противоречия как в одних, так и в других регионах.

Велики различия и в уровнях производительности труда, в размерах производства продукции на душу населения. На одного жителя в Латвии и Эстонии производится всей промышленной продукции больше, чем в Туркмении, Таджикистане, Узбекистане в 3,1 — 3,4 раза, товаров народного потребления — в 5—8 раз, товаров культурно-бытового назначения — в 10—18 раз. Подстать этому и дифференциации в качестве производимой продукции. При всей условности самого понятия «высшая категория качества» таким образом аттестуется 66—71% продукции в Белоруссии, Литве, Латвии и только 19% в Туркмении.

В той или иной степени аналогичное положение наблюдается и в других отраслях. На душу населения в Литве вводится основных фондов в 3 раза больше, чем в Таджикистане; в Эстонии перевозится грузов в 4,5 раза больше, чем в Узбекистане; в Литве продукции сельского хозяйства производится в 3,3 раза больше, чем в Армении; в Латвии продукции связи — в 4,1 раза больше, чем в Таджикистане. Подобная ситуация характерна и в отношении эффективности использования различных ресурсов.

Еще большие различия касаются развития нетрадиционных до недавнего времени форм экономической деятельности — ИТД, кооперативов, совместных предприятий. На начало 1989 года относительным уровнем за-

нятости в сфере ИТД и в кооперативах Армении был в 10 раз выше, чем в Туркмении, а реализованная продукция кооперативного сектора на душу населения в Латвии в 12 раз превышала соответствующий туркменский показатель. Капитал совместных предприятий, вложенный в Армении и Эстонии, в расчете на душу населения в десятки раз превышает показатели Украины и Казахстана.

В целом же разрыв по производству национального дохода на душу населения между полюсами экономического развития в СССР — Латвией и Таджикистаном, по данным Госкомстата СССР, достигает 2,8:1. По этому показателю наиболее развитые советские республики — Латвия и Эстония находятся на уровне Испании, Израиля, Венгрии, средне-развитые — Украина, Молдавия, Армения — на уровне Греции, Мексики, наименее развитые — Киргизия, Узбекистан, Таджикистан — на уровне Колумбии, Эквадора, Алжира, Перу.

* * *

Дифференциация союзных республик по совокупным доходам на душу населения (2,4:1), по личному потреблению (2,1:1) меньше, чем различия в уровнях экономического развития. В этом находит свое выражение централизованная перераспределительная политика с целью выравнивания социально-экономических условий в стране. Вместе с тем предварительные оценки показывают, что все союзные республики по характеру их участия в неэквивалентной передаче ресурсов делятся на три группы. В группу доноров входят экономически более развитые республики — Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, РСФСР. Не случайно именно прибалтийские республики и Белоруссия, чей

вклад в произведенный национальный доход страны превышает используемую ими долю, выступили пионерами в деле перехода на республиканский хозрасчет и самофинансирование. Две другие республики — Украина и Молдавия — не принимают активного участия в межреспубликанских переливах средств ни в качестве передатчиков, ни в качестве получателей. Все остальные республики — правда, в разной степени — являются реципиентами.

Различная обеспеченность республиканских рынков товарными ресурсами, разница в уровнях товарно-денежной несбалансированности, дифференциация уровней цен по регионам страны и их динамики приводят к территориальным различиям покупательной способности рубля, к появлению множества его региональных курсов. Следствием этого становится интенсивная миграция денег из районов с низкой покупательной способностью рубля в районы с высокой. В условиях обостряющегося дефицита защитить интересы республиканских потребителей и сохранить имеющийся уровень товарного обеспечения можно только двумя способами. Первый — административный — введение талонов, покупательских карточек для постоянного населения, всякого рода ограничения для приезжих на покупки, почтовые отправления и т. д. И второй — экономический — установление реального обменного курса денежной единицы на уровне, пропорциональном паритету ее региональной покупательной способности, то есть введение де-факто региональной валюты. И тот, и другой способы, подвергаются энергичной критике. Однако других способов регулирования товарных рынков в условиях глобального дефицита пока не предложено.

* * *

Наличие в СССР крупных регионов, почти в три раза различающихся по уровню экономического развития, чревато деструктивными последствиями для всей страны. Используемая для смягчения социально-экономической дифференциации ускоренного развития отстающих регионов политика безвозмездного перелива ресурсов своих целей не достигает. Вопреки традиционным представлениям межреспубликанские различия со временем не только не стираются, но даже возрастают. Перелом в развитии союзных республик от конвергенции к их дивергенции приходится на рубеж 60—70-х годов.

Такая тенденция непосредственно обусловлена тем, что экономический рост в союзных республиках, как и во многих регионах мира, имеет весьма неравномерный характер. За 1970—1988 гг. производство национального дохода на душу населения в неизменных ценах¹ в Белоруссии, Грузии, Азербайджане, Армении увеличилось на 29—54%, в Литве, Молдавии, России, на Украине — на 15—22%, в Эстонии, Латвии, Киргизии — только на 3—10%, в Туркмении, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане произошло абсолютное падение этого показателя — на 3—10% (при росте в среднем по СССР на 13%). В то время, как в одних республиках действительно господствовала экономическая стагнация, другие республики ее фактически не знали и развивались весьма динамично, третьих же поразила настоящая экономическая катастрофа.

Развитие в 70—80-е годы в ряде союзных республик затяжного социально-экономического кризиса, особенно обострившегося в последнее десятилетие, в значительной степени нейтрализовало активную внутрисоюзную перераспределительную политику и привело к абсолютному падению уровня и качества жизни боль-

шинства населения в некоторых из них. Уровень младенческой смертности в эти годы вырос в Узбекистане на 48%, Туркмении — на 22%, Казахстане — на 14%. За 1980—1986 гг. средняя обеспеченность жилой площадью одного сельского жителя в Таджикистане уменьшилась с 7,9 до 7,6 м². За те же годы потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в Узбекистане упало с 31 до 29 кг, в Таджикистане — с 32 до 31 кг, в Туркмении — с 44 до 43 кг, а потребление молока и молочных продуктов уменьшилось в Узбекистане со 185 до 176 кг, Таджикистане — с 164 до 158 кг, Казахстане — с 275 до 274 кг.

1. Расчеты проведены по методике Г. И. Ханина.

Как известно, потребление продуктов питания при его невысоком уровне мало зависит от понижения доходов населения. Поэтому ухудшение условий жизни, приведшее к абсолютному падению уровня потребления продовольствия в среднеазиатских республиках, нельзя не признать чрезвычайно серьезным.

* * *

Почему же остается недостижимой одна из важнейших целей экономической политики в СССР — сбалансированный региональный рост — в экономических, социальных, юридических, политических условиях единого государства, условиях, казалось бы, куда более благоприятных, чем существующие в рамках многогосударственного плюрализма ЕЭС или СЭВ? Очевидно, наиболее существенной причиной выступают особенно ныне действующего хозяйственного механизма.

Наша экономика не является ни чисто командной, ни чисто рыночной. В печати уже высказывалось положение о том, что нынешняя экономика СССР по своему характеру является не командной экономикой, а скорее «экономикой согласования» или «экономикой бюрократического торга». Основной механизм ее функционирования представляет собой иерархические торги за ресурсы различного рода, в том числе за материальные ресурсы, деньги, планы, нормативы, индивидуальные правила хозяйствования и т. п. Субъектами иерархического торга выступают властные структуры разных уровней — от центральных политических и экономических органов до трудовых коллективов, в том числе и региональные властные структуры.

Действующий в настоящее время в Советском Союзе хозяйственный механизм не представляет собой единого целого, а является результатом взаимодействия, по меньшей мере, полутора десятков республиканских экономических механизмов. Причем, несмотря на многочисленные и большей частью обоснованные жалобы со стороны республик на «диктат и насилие» центральных ведомств, республиканские экономические механизмы даже в нынешних условиях оказывают на ситуацию в регионах большее воздействие, чем общесоюзный экономический механизм. Усиливающаяся же регионализация страны и прежде всего переход союзных республик на территориальный хозрасчет означает не больше и не меньше того, что эта ситуация, существовавшая де-факто в течение десятилетий, теперь признается де-юре и получает соответствующее правовое и политическое оформление. Этот естественный процесс имеет своим весьма вероятным, если не неизбежным, следствием натурализацию, дезинтеграцию страны, распад ее на слабо связанные

друг с другом административные экономики.

Что может противостоять этой тенденции? Мировой опыт дает однозначный ответ: единственно возможным и действительно эффективным средством обобществления труда и производства является рынок. Ни одно другое средство не в состоянии связать распадающиеся части административной экономики в единый организм, обеспечить их сбалансированный рост, повышение экономической эффективности, внедрение в производство достижений научно-технического прогресса.

В свете этого несколько иначе выглядят проходящие ныне энергичные дискуссии, посвященные распределению собственности на промышленные предприятия между союзом и республиками. В нынешней ситуации этот спор представляет собой отражение конфликта между пережитками командной идеологии со стороны центра и агрессивно формирующейся командной идеологией со стороны республик. В случае успеха центра мы получим внешне модернизированную, но внутренне глубоко противоречивую нестабильную и принципиально несбалансированную нефеодалную экономику согласований, естественным состоянием которой станет перманентный социально-экономический и политический кризис. В случае успеха республик и концентрации собственности в руках их центральных органов, результатом станет формирование вместо одной, по меньшей мере, полутора десятков преимущественно административных экономик. Это путь «югославизации» СССР с неизбежным усилением авторитарности регионов и падением общесоюзной эффективности. Возрождение советской федерации возможно не с помощью административных новаций, а в результате перевода экономики всей страны и отдель-

ных республик на преимущественно рыночные принципы хозяйствования. Это непростая задача, но альтернативы ей нет.

* * *

Интеграция общесоюзного рынка станет первым шагом к формированию в перспективе общесоюзного евразийского экономического сообщества. Само же такое сообщество может сыграть роль экономического фундамента при создании Евразийского Содружества Наций — обновленного варианта советской федерации. Ограниченные масштабы республиканских рынков могут способствовать возникновению промежуточных экономических сообществ, состоящих из нескольких республик с близкими уровнями экономического развития, сходными типами хозяйственного механизма, духовной жизни, социокультурных ценностей населения. Один из таких полиреспубликанских рынков, фактически, уже начал формироваться в Прибалтике. В рамках другого возможна более тесная интеграция республик Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. Весьма вероятно объединение ресурсов и рынков Армении и Грузии.

Не исключено также и то, что интеграция отдельных республик с зарубежными партнерами может пойти интенсивнее, чем с партнерами внутри Союза. Значительным потенциалом такого рода обладают эстонско-финские, латвийско-шведские, литовско-польские, белорусско-польские, молдавско-румынские, азербайджано-турецкие, таджикско-иранские и некоторые другие связи. Успешность же и темпы развития всего евразийского сообщества напрямую будут зависеть от продуманности и энергичности усилий, предпринимаемых прежде

всего со стороны центра, а также со стороны республик.

По разнообразию живущих в СССР народов наша страна, очевидно, не имеет себе равных в мире и по сути представляет уникальную мини-модель мира. Это, как справедливо отметил М. Я. Гефтер, мост между Европой и Азией, страна стран, мир миров. Сложность состава нашего общества требует адекватного по сложности применяемого к нему ин-

струмента. Сохранение в какой-либо модернизированной форме административной системы не только не ослабит центробежных тенденций, а, наоборот, усилит дезинтеграцию страны и рано или поздно приведет к ее саморазрушению. Принципиально иной путь развития видится в создании обновленной советской федерации, Евразийского Содружества Наций, экономической базой которого станет всесоюзный общий рынок.

ПРОЩАЙ, СОЦИАЛИЗМ!

Лариса ПИЯШЕВА,
г. Москва

В 1920 году малоизвестный в нашей стране экономист Бэр Давыдович Бруцкус (1874—1938 гг.), бывший после Февральской революции членом Высшего совета по земельным вопросам, выступил в Петрограде с докладом «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», в котором доказывал, что «экономическая проблема марксистского социализма не разрешима». Целую эпоху тому назад Бруцкус сделал вывод об утрате нашей нынешней экономической модели и неизбежности возврата к рыночному хозяйству. Жизнь подтвердила этот прогноз. Национализированная и центрально планируемая экономика ни на одном отрезке социалистического строительства не могла прокормить страну.

Главным вопросом для нашего общества, каждого его гражданина на протяжении всего социалистического периода было — как выжить. В мате-

риальном и в духовном планах. Как прокормить семью и сохранить свое человеческое — честь, достоинство и порядочность.

Главным вопросом для нашего государства всегда был вопрос о формах принуждения и стимулах: как заставить общество приумножать его (государственное), названное «демократическим» словом — «общественное», благосостояние. На протяжении всего социалистического периода придворные экономисты и политики изыскивали изощренные и извращенные средства стимулирования и конфискации заработанного гражданами, колхозами и совхозами, фабриками и заводами, крестьянами и ремесленниками. Каждому (будь то гражданин или предприятие) всегда разрешался положенный ему прожиточный минимум, а все остальное должно было добровольно или принудительно, поступать в «общий котел».

Разбогатело ли наше социалистическое государство от того, что на протяжении всей своей истории оно так неразборчиво стягивало все богатства в свои бездонные сундуки?

Нынешняя реформа, по своей логике, должна была переориентировать потоки доходов и сократить долю средств, изымаемых в бюджет. Ведь переход к самоокупаемости и самофинансированию промышленных предприятий подразумевал, что большая часть заработанного ими будет оставаться «на местах». Та же логика касалась кооперативов, которые, будучи освобождены от необходимости кормить непомерно разросшийся и дорогостоящий административно-управленческий аппарат, могли бы свободно начать накапливать средства для создания новой промышленной инфраструктуры, постепенно заменяющей собой старую, износившуюся и низкоэффективную.

Той же логики следовало ожидать и для доходов граждан, которым, как казалось, откроют хоть какие-то каналы для получения нормальных, не на уровне выживания, а на уровне преуспеяния, доходов.

И что же? Две с половиной тысячи планировщиков сели считать: как в новых, перестроечных условиях лучше изымать доходы с предприятий, какими прогрессивными налогами надо обложить кооператоров и индивидуалов для того, чтобы не дать им получать «нетрудовые» доходы, то есть попросту в очередной раз не дать никому обогатиться.

За все эти кровавые, полуголодные, ударные, извращенно стимулируемые 70 лет нашего «строительства» мы так ничему и не научились. Так и не достигли простой формулы стимулирования: дай людям думать, действовать, решать и распоряжаться результатами своих действий по собственному усмотрению, и они быстро вста-

нут на ноги и начнут кормить себя и свое государство.

При данной системе организации труда, структуре разделения труда, формах собственности и способах управления возможности дальнейшего роста производительности труда исчерпаны. Исчерпаны потому, что в стране возник психологический кризис — кризис **ожидания**. Идеология, которая основывалась на настоятельных заверениях о будущем благополучии, во имя которого требовала и принимала ни с чем не соизмеримое для мировой истории количество жертв, себя окончательно дискредитировала. Теперь, когда стало очевидным, что страна стоит на грани Большого Банкротства (Великого Краха), каждый намерен предъявить свой счет. Счет, платить по которому нечем. Можно собрать с каждого по десятке и удовлетворить требования шахтеров. Можно ввести запретительное законодательство о забастовках. Правительство может три, пять, восемь раз явиться возбужденной толпе и успокоить ее собственным оптимизмом. Но как долго общество выдержит этот хлынувший отовсюду напор?

Когда лопается трест, его создатель пускает пулю в лоб. Или садится в долговую яму. А когда лопается большой государственный эксперимент по общественному реформированию и конструированию светлого будущего? Чье имущество пускать с торгов и кого сажать в долговую яму?

СТРАШЕН ЛИ КРАХ?

Что нас ждет — кризис или катастрофа?

Вопрос вовсе не праздный. Кризис — это естественная фаза процесса. Кризис — это всегда начало об-

новления. Вслед за кризисом в экономике почти всегда начинается подъем. Западные правительства хорошо научились пользоваться антикризисной политикой и амортизировать формы его протекания, смягчать либо устранять его социальные последствия. Западный мир не боится кризиса, ибо он прочно вписан в общий циклический ритм экономической конъюнктуры и, как правило, не несет в себе того разрушительного импульса, который принято называть катастрофой.

Но экономическая жизнь полна и катастроф. Последней, которую еще помнят очевидцы, была «Великая депрессия» 30-х годов, величие которой заключалось в огромном разрушении и хаосе экономической и социальной жизни на огромной части планеты. Во время кризиса лопаются тресты и банки, во время катастрофы — банковские системы. Во время кризиса несколько миллионов безработных получают свое пособие, во время катастрофы десятки миллионов пухнут от голода. Чернобыль — это катастрофа. Землетрясение в Армении — это катастрофа. Великая депрессия — это катастрофа. Чернобыль отравил воздух, землетрясение разрушило часть жизни. «Великая депрессия» породила фашизм.

Признаки краха вовсе не те, что у кризиса или катастрофы. Эти признаки — в грязных дворах, в залитых мочей подъездах, в разваливающихся «хрущобах», в опаздывающих поездах и отмененных рейсах, в толпах у винных магазинов. Это — «приходящие в упадок мрачные города, где вяло бродят полуголодные люди в рваных ботинках, да кое-как залатанные дома прошлого века, от которых несет капустой и грязными уборными». (Оруэлл. «1984»).

Страшен ли крах социализма?

Социализм в опробованных на сегодня повсюду вариантах — это

идеология, поддерживающая самую неэффективную систему хозяйствования, которую знает современный индустриальный мир. Крах идеологии не страшен. Страшным может быть крах веры. Но люди давно утратили веру в эту сказочную Аркадию.

Социализм — это миф о равенстве и справедливости, которые воцаряются в конце путешествия в солнечную Утопию. Крах мифа не страшен. Миф закрывает двери здравому смыслу и честному взгляду.

Социализм — это огромный жертвенник, на котором искореняли свободы. Расставание с наркотиком болезненно, но не страшно. Не страшно потому, что раздурманенное сознание всегда имеет шанс вернуться к жизни свободной и самоустраительной. А разрушение жертвенника благостно и благодатно.

Социализм — это монополия. На власть, на владение и распоряжение собственностью, на научную истину и на человеческую душу. Там, где живет монополия, там поселяется мафия, разрушающая вокруг себя жизнь. Социализм — это одна цель, одна теория, одна партия, одна воля. А жизнь — это, когда всего много, — целей, теорий, партий и волей, взглядов, мыслей, действий и ... колбасы. Там где поселяется монополия, жизнь постепенно уходит, и скудность, нищета и болезни завершают развитие цивилизации, посягнувшей на святое святых — человеческую свободу мыслить и созидать.

Страшен ли крах социализма?

Нет, не страшен. Страшно, когда у кормила власти оказываются уголовные преступники и неучи. Страшно, когда их сановные эксперты живут по заповеди «Чего изволите?». Страшно потому, что безответственная экономическая, безответственная финансовая и безответственная социальная политика в конце концов с неизбежностью кончаются катастрофой.

Страшно, когда ни у кого уже не остается надежды и опустошающее безразличие заполняет душу.

У меня нет уверенности в том, что общество с подрубленными и уже высохшими корнями жизнеспособно. Я затрудняюсь сказать, насколько глубоко зашла культурная и этическая деградация наших народов, насколько безнадежно утрачены навыки сельского, ремесленного, мастерового умения, насколько глубоко деквалифицирован и деморализован народ.

Нет у меня уверенности и в том, что нынешние власти и нынешнее правительство готовы самоотверженно спасти те маленькие зеленые росточки предприимчивости, смекалки и отчаянной борьбы за существование, которые все еще пробиваются сквозь толщу чиновничьего мракобесия.

Но я знаю одно — чем дальше отодвигать реформу, тем безнадежней становится ситуация и тем горше и болезненней будет финал.

«ЖЕСТКИМ КУРСОМ...»

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ПО КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ В СССР (ФРАГМЕНТ)

Целью настоящей работы является исследование возможных последствий ускоренного перехода СССР к рыночной экономике (концепция «большого скачка»).

Сложившаяся в отечественной экономике критическая ситуация не может быть преодолена в приемлемые сроки на основе правительственной программы, принятой II Съездом народных депутатов. Дезорганизация хозяйственной жизни, инфляция, неуправляемый рост дефицитов товаров массового спроса создают социальное напряжение, прорывающееся в отдельных регионах страны в разрушительной форме. Приостановить и преодолеть эти нарастающие явления можно лишь с помощью решительных мер по ускоренному достижению материально-финансовой сбалансированности и радикальной реформы собственности. С этой точки зрения базовые идеи концепции

«большого скачка» представляются рациональными и своевременными.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

К числу ближайших социальных последствий ускоренной рыночной реформы относятся:

- общее снижение уровня жизни;
- рост дифференциации цен и доходов населения;
- возникновение массовой безработицы.

Ускоренная реформа связана с резким ростом дифференциации в ценах на однородные товары по признаку качества. Это предотвратит экстремальные негативные последствия (не оставит человека голодным, раздетым и бездомным). Но, с другой стороны, неизбежно приведет к формированию открытой для всеобщего обозрения иерархии жизненных стан-

дартов различных слоев населения. Неравномерное распределение денежных накоплений по регионам и национальностям в результате приватизации может спровоцировать серьезные конфликты еще и на национальной почве.

Третье последствие реформы — появление массовой безработицы и высокая вероятность экономических забастовок в базовых отраслях промышленности и политических забастовок в крупных городах. Основными лозунгами этих забастовок будет недопущение роста цен, поддержание высокого уровня занятости, повышение заработной платы в соответствии с ростом цен и недопущение высокой дифференциации доходов.

В этих условиях правительству очень важно взять правильный тон по отношению к обществу: с одной стороны, готовность к диалогу, с другой стороны — никаких извинений и колебаний. Следует предусмотреть ужесточение мер по отношению к тем силам, которые покушаются на основную костяк мероприятий реформы: например, роспуск официальных профсоюзов в случае их выступления против правительственных мер, а также содействие созданию параллельных профсоюзов.

Очень важно дифференцировать меры в отношении рабочего движения; закрывать, например, одну шахту из трех, сохраняя на остальных нормальные условия оплаты. Еще более предпочтительны меры, которые ведут не к полному закрытию предприятия, а к частичному сокращению численности на нескольких предприятиях. Совершенно необходимы меры прямого подавления по отношению к представителям партийно-хозяйственного актива, реально не пользующегося поддержкой населения (что показали выборы).

С другой стороны, необходимо сохранять политические отдушины,

плюрализм и гласность, во всем, что не касается экономической реформы.

В нынешних условиях важным фактором социальной легитимности реформы является единство слова и дела. Если правительство решило строить рыночную экономику с элементами капитализма, то оно должно об этом открыто сказать, а также заранее предупредить обо всех ожидаемых последствиях (в приемлемой формулировке). Население должно четко усвоить, что правительство не гарантирует место работы и уровень жизни, а гарантирует только саму жизнь.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СЦЕНАРИИ РЕФОРМЫ

Основным социально-политическим аспектом реформы является сохранение политическим руководством и правительством контроля над ситуацией в стране и за самим ходом реформы.

Запуск радикальной рыночной реформы имеет в настоящее время благоприятные предпосылки, так как основная часть населения уже устала ждать улучшений или хотя бы каких-то радикальных изменений в экономической сфере.

В то же время, в ходе своего проведения, реформа рискует встретить недовольство и даже сопротивление большинства социальных групп и политических сил общества. Мотивы противодействия всех **властных структур** — как официальных, так и теневых в центре и на местах очевидны.

Сопротивление реформе **широких масс** связано с необходимостью осуществления в ходе ее жестких и непопулярных мер и неизбежных издержек, к которым следует отнести не только снижение уровня жизни, но и

резкий рост, а главное — легализацию социально-экономической дифференциации, гигантские масштабы легальной спекуляции и связанное с ней «неправедное обогащение» отдельных лиц и социальных слоев, отмывание денег теневой экономики, вызывающее поведение нуворишей и пр.

Вряд ли можно надеяться и на поддержку **местных органов власти**, сформировавшихся в результате выборов. Во-первых, в большинстве регионов новые советы в значительной мере сформированы из местной номенклатуры. Во-вторых, местные советы с преобладанием демократов настроены в высокой степени популистски; обещания, данные избирателям в ходе предвыборной кампании, отнюдь не настраивают депутатов на поддержку жестких непопулярных реформенных мероприятий.

Последнее обстоятельство в значительной мере может быть отнесено и к существующим и возникающим в стране **общественно-политическим движениям и партиям**, которым предстоит сыграть важнейшую роль в формировании социально-политического фона реформы.

Правоконсервативный блок (ОФТ, «патриоты» и проч.) однозначно будет выступать против реформы, используя ее неизбежные трудности и ошибки.

Слабоинституционализированные, но мощные и даже наиболее массовые **популистские движения** (типа объединения в поддержку Гдляна — Иванова и проч.) по всей вероятности выступят преимущественно с критикой не столько реформы в целом, сколько ее отдельных мер и особенно — отрицательных последствий и ошибок правительства.

Особое место займут **стачкомы**, по своей политической ориентации — популистские организации, а по организованности и роли в экономиче-

ской жизни — потенциально наиболее сильные в стране.

Роль этих организаций в блокировании реформы способна превысить сопротивление всех общественных движений и властных структур вместе взятых; поэтому на время проведения реформы (или, по крайней мере, ее решающих этапов) потребуются чрезвычайное антизабастовочное законодательство.

Демократические движения и партии, в принципе готовые поддержать реформу, окажутся в сложном положении в связи с преобладанием на начальных этапах реформы непопулярных мер и тяжелых социально-экономических последствий.

Следует учитывать, что нынешние масштабы демократического движения существенно превышают уровень распространения демократических представлений и ценностей в массовом сознании — в том числе о демократических началах функционирования экономики. Большая часть этих движений имеет мощную популистскую поддержку, поэтому под воздействием политических трудностей, вызванных реформой, произойдет их сдвиг в сторону популизма — причем в ряде случаев не только левого, но и правого.

Наиболее болезненной проблемой для демократов и одной из главных линий раскола станет необходимость выражения своего отношения к неизбежным в ходе реформы антидемократическим мерам правительства (запрета на забастовки, контроль над информацией и др.).

В целом позиция демократов по отношению к реформе будет восприниматься в широких слоях как непоследовательная, что в полной мере используют их политические противники. Ослабление в ходе реформы силы и влияния демократических движений существенно подорвет ее социально-политическую базу со все-

ми вытекающими отсюда последствиями.

Следует ожидать ускоренной институционализации **неолиберальной экономико-политической идеологии**, политической основой которой станет часть нынешних демократических сил, наиболее твердо стоящая на позициях экономического реформирования. Данное течение будет поддерживать реформу в случае ее комплексного и последовательного характера, невзирая на непопулярные меры. В то же время узость социальной базы этого движения ставит под вопрос масштабы его возможного влияния на общественное мнение и, резко поляризуя политический спектр по социально-экономическому признаку, может стать источником дополнительной социальной напряженности в обществе.

Борьба вокруг реформы резко ускорит процесс институционализации политических течений в стране и организации соответствующей партийной печати, в которой правительственная политика будет подвергаться разнообразной и беспощадной критике, подрывая легитимность реформы. В этот хор вольются голоса местных печатных органов, контролируемых консервативными региональными властями или популистски настроенными советами.

Из сказанного следует как минимум два вывода. Во-первых, реформа или, по крайней мере, подготовка к ней общественного мнения должна быть начата как можно быстрее — до формирования мощной оппозиционной прессы, то есть пока контроль за основной частью mass-media остается в руках правительства (не исключено, что с этой целью придется задержать принятие законов о печати и о политических партиях).

Во-вторых, в самое ближайшее время идеологам реформы из состава политического руководства страны

необходимо поставить под свой контроль все центральные средства массовой информации. Следует иметь в виду, что непосредственное цензурирование публикаций и передач о реформе невозможно и даст скорее отрицательный эффект, поэтому основным рычагом управления должна быть кадровая политика.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ РЕФОРМЫ

Текущий момент характеризуется парадоксальным положением, когда реформа одновременно является и запоздалой, и преждевременной. С одной стороны, страну можно считать полностью готовой к реформе, когда все понимают, что хуже уже некуда и потому готовы на самые тяжелые жертвы. Кроме того, основная часть населения — прежде всего люди старших возрастов — не готова, по видимому, воспринять многие непривычные реальности рыночной экономики. С другой стороны, хорошо известны обстоятельства, в силу которых дальнейшее оттягивание рыночной реформы нетерпимо.

Следует ожидать, что данное противоречие отчетливо проявит себя уже на стадии подготовки и принятия основных политических решений по реформе. В ходе реформы оно будет проявляться в резких и непоследовательных движениях правительства, попятных шагах и проч.

Фундаментальным является противоречие между целями реформы (построение демократического хозяйства и общества) и средствами ее осуществления, среди которых не последнее место займут меры антидемократического характера. Данное противоречие тяжело отразится на легитимности реформы и в особенности на отношениях правительства с

отдельными группами работников, политическими движениями и средствами массовой информации.

Проведение реформы неизбежно потребует поддержания сложного политического и идеологического баланса между преемственностью реформы в ряду демократических преобразований после апреля 1985 года и отказом от прежних «перестроечных» программ и обещаний. Если преемственность требуется для сохранения у власти высшего политического руководства, что, в свою очередь, необходимо для поддержания минимальной стабильности в стране, то без отказа от прежних лозунгов (разрыв преемственности) невозможно обеспечить необходимую для проведения реформы «свободу рук».

Не будет преувеличением сказать, что от степени успешности соединения этих противоположных начал зависит политическая судьба нынешнего руководства страны и самой реформы. Укрупненно оценивая ситуацию с этой точки зрения, можно ожидать следующие сценарии развития событий.

1. Остроту социальной напряженности и масштабы ее распространения в обществе удастся удержать в управляемых пределах. Балансируя между «преемственностью» и «отказом от старой политики», нынешнее политическое руководство благополучно преодолевает критический период. Существенным позитивным фактором в этом сценарии будет собственно институт президентства и

прямая идентификация с ним реформы (выступление М. С. Горбачева на первом заседании Президентского совета заложило для этого необходимую основу).

2. Масштабы социальных конфликтов и острота кризиса приобретут трудноуправляемый характер. Высшее политическое руководство станет центром массового недовольства и мощного давления со стороны названных выше политических сил. Сохранение его в нынешнем составе становится уже невозможным, а демонстративная смена (или существенное обновление) еще могут сдерживать нарастающую нестабильность. Смена правительства откроет возможность радикального смещения приоритета на лозунг отказа от старой политики при одновременном углублении самой реформы. В этом сценарии сам акт смены правительства выступает инструментом реализации рыночной реформы, а сохранение президентского поста за М. С. Горбачевым служит гарантом последовательного и целенаправленного реформирования.

3. Масштабы и острота конфликтов создают неуправляемую ситуацию, которая приводит к полной смене высшего политического руководства страны.

(Аналитическая записка подготовлена специалистами ленинградской Ассоциации социально-экономических наук).

30 марта 1990 г. Ленинград.

Особо опасные старушки

В 1989 году при Международном Фонде «За выживание и развитие человечества» начал работу Общественный Центр содействия гуманизации пенитенциарной системы. Он объединяет как специалистов в области социологии, психологии и права, так и просто людей, активно сочувствующих перестройке в нашей уголовно-исполнительной сфере. Центр будет всемерно способствовать реформам пенитенциарной системы и уголовного законодательства, участием общественности в контроле за соблюдением законности в местах лишения свободы и решением проблем лиц, отбывших уголовное наказание.

Публикуемый ниже материал редакция хотела бы рассматривать как свой первый вклад в полезное дело, начатое Центром.

«С РЕЦИДИВИСТАМИ СПОКОЙНЕЙ...»

За последние несколько лет было закрыто около ста исправительно-трудовых учреждений, а количество заключенных сократилось почти вдвое. Наконец-то начал сокращаться наш перенаселенный сверх всякой меры тюремный мир.

По гуманному замыслу правительства и соответствующих правоохранительных ведомств, амнистии в 1987 году в первую очередь подлежали осужденные, не представляющие значительной опасности для общества; в местах лишения свободы должны были оставаться только те граждане, чья изоляция действительно необходима. Если бы все обстояло так, как было задумано, никакой осо-

бой проблемы мы бы здесь не имели. Увы, среди досрочно освобожденных оказалось немало по-настоящему опасных, а за решеткой все еще много людей, никакой общественной опасности не представляющих.

Относительно первых скажу, что по оценке, которую мне приходилось слышать от работников МВД и Прокуратуры СССР каждый десятый, освободившийся по амнистии, пополнил ряды организованной преступности. Что же касается вторых...

В Березниковской колонии строгого режима (учреждение УТ-389/28, Пермская область), где вместе с журналистом В. Ереминым мне довелось дважды побывать в течение полугода,

содержатся особо опасные рецидивистки. Сокращение этой категории заключенных шло еще быстрее, чем в среднем по всем ИТУ, и на сегодняшний день в стране остались только две подобные колонии, примерно по тысяче женщин в каждой. Казалось, можно было не сомневаться: здесь собрали самых отвязанных, самых опасных преступниц.

Мы же увидели лица колонисток, скорее располагающие к общению, нежели настораживающие или отталкивающие. И позже, на протяжении почти целого месяца (мы снимали фильм), изо дня в день встречаясь с осужденными, беседуя с ними, изучая их личные дела, выписки из обвинительных заключений, я все больше удивлялся их зловещему «особо опасному» званию. Немолодые в большинстве своем женщины, в кирзовых сапогах и бушлатах, осужденные, главным образом, за мелкие кражи и хищения, — какие они особо опасные? Разве их правонарушения сопоставимы с теми, о которых мы ежедневно читаем в газетах?

«Да, — заметив мое недоумение, сказал сотрудник колонии, — здесь, за колючей проволокой, с такими вот особо опасенькими чувствуешь себя куда спокойнее, чем на воле».

К сожалению, дело не в чем-то злом умысле, но в самом законе — рассогласованном с жизнью, здравым смыслом и потому, в самом деле, общественно опасном.

Решение о признании правонарушителя особо опасным рецидивистом выносит суд, руководствуясь статьей 24¹ УК РСФСР или соответствующими статьями республиканских кодексов. Статья слишком объемна, чтобы приводить ее здесь полностью; о критериях, которыми руководствуется законодатель, проще судить по небольшому тесту. Какие из следую-

щих криминальных сюжетов, на ваш взгляд, удовлетворяют понятию особой опасности?

1. Вор-профессионал, имеющий на счету три сотни квартирных краж, впервые попадает на скамью подсудимых. Общая сумма похищенного, инкриминируемого ему, составляет 158 тысяч рублей.

2. Другой вор — карманник, ранее трижды судимый «за кошельки» (общая сумма иска — 230 рублей), забирается ночью в продовольственный магазин с намерением раздобыть спиртного. На выходе его задерживают.

3. Женщина, дважды судимая, — за хулиганство и нанесение тяжких телесных повреждений — выйдя на свободу, наносит ножевые ранения сразу двум людям. Ее действия суд квалифицирует как нанесение тяжких телесных повреждений.

4. Молодая девушка, получившая три с половиной года за «гос. хищение», подравшись в колонии, причинила другой осужденной телесные повреждения, признанные судом тяжкими.

Если в качестве особо опасных вы избрали преступников под четными номерами — вас можно поздравить с блестящими познаниями в области действующего уголовного законодательства; если нет — значит, вы совсем не понимаете принципов нашего судопроизводства. Тогда нам придется вместе еще раз вернуться к этим невыдуманному юридическому парадоксам, взятым из моей дорожной записной книжки.

По логике уже упомянутой статьи 24¹, особо опасным должен считаться не тот, кто совершил множество краж, а тот, кто чаще попадаетеся. Соответственно вор-домушник (случай 1) получает пять лет общего режима, тогда как его менее удачли-

вый коллега (случай 2)— все восемь, да еще и в колонии для особо опасных рецидивистов. Как видим, при определении наказания решающую роль сыграла не фактическая тяжесть содеянного, а биография каждого из преступников.

Зато прошлое обеих женщин во внимание принято не было. Оказывается, здесь важнее место, где совершено преступление. Девушка (случай 4) получает восемь лет строгого режима, так как согласно статье 24¹, суд может признать особо опасным рецидивистом даже первосрочника, если тот допустит соответствующее правонарушение в местах лишения свободы. А женщине, порезавшей двух людей вне стен ИТК (случай 3), хотя и дважды судимой, дадут тоже восемь лет, зато режим содержания — общий.

Пушка так часто выстреливает по воробьям, что колонии для особо опасных давно сделались чем-то вроде потемкинских деревень нашего пенитенциара. На две трети, а то и на четыре пятых они заполнены «декоративно-опасными» рецидивистами, что последним, впрочем, жизни не облегчает. Продолжительные сроки и жесткий режим, минимальные шансы на амнистию или смягчение наказания, отсутствие социальных перспектив в будущем — вот их незавидная участь.

Для справки. Статья 24¹ была введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 ноября 1969 года с тем, чтоб, как говорится, отделить «агнцев» преступного мира от «козлищ», требовавших, по мысли Законодателя, более концентрированного пенитенциарно-воспитательного воздействия. И вот парадокс. Если к началу 70-х годов, в колониях для особо опасных рецидивистов количество осужденных за насильственные преступления было примерно таким же, что и в среднем по всем ИТУ,

то десять лет спустя эти показатели существенно разошлись: уровень насильственных преступлений у особо опасных заметно снизился (для мужчин на треть, для женщин — в три раза), тогда как на всех остальных режимах содержания он обнаруживает тенденцию к росту. Так, введенная, чтобы выделить наиболее тяжелых преступников, статья 24¹ сработала в обратном направлении.

Невиданное количество особо опасных рецидивистов, выловленных милицией в 1989 году,* произошло, конечно, на нашу общественность впечатление. Однако искушенные скептики вспоминают старую эзковскую поговорку: милиция ловит не преступников, а тех, кого легче поймать. Вот и документ, характеризующий в интересном для нас отношении обитателей Березниковской колонии.

Справка о составе осужденных по видам преступлений

1. Тяжкие преступления (умышленное убийство, разбой, грабеж, хулиганство, тяжкие телесные повреждения) — 18,6%.

2. Кража личного имущества граждан — 60,9%.

3. Прочие (мошенничество, клевета, нарушение правил административного надзора, нарушение правил паспортной системы и т. п.) — 20,5%.

60,9%! В колонии с населением в тысячу человек, это более шестисот! Более шестисот карманниц и мелких воровок, сидящих здесь не за тяжесть содеянного, а за многочисленность их судимостей. Прибавьте сюда еще 20,5% из графы «Прочие» — и картина станет окончательно впечатляющей.

— Я убежден, — говорит начальник колонии Александр Николаевич Парфенов, — что среди карманниц

* задержано 77222 человек. См. «Известия» от 26.02.89 г.

много таких, которые нуждаются не в нашем заведении, а в помощи врача. Это что-то вроде наркомании или алкоголизма. Сами они свою болезнь называют «карманной тягой». Что же касается их особой опасности... Я вообще категорически против статьи 24¹: женщина и особо-опасная рецидивистка — это понятия несоместимые.

Из интервью с карманницами.

Ирина В. (18 судимостей). *Все мои кражи за последние двадцать лет в одном и том же месте — ленинградский универмаг «Гостинный двор». Родные меня дома взаперти держат. Как не доглядят — я в «Гостинный», а отсюда у меня уже одна дорога — в колонию.*

Мария Л. (11 судимостей). *Раньше я всегда только в «Ванде» воровала. В последний раз, как освобождалась, решила — хватит с меня этих дел! Два года в Туле прожила. Приезжаю в Москву в отпуск, родственников навещать и как назло опять занесло в «Ванду». Через пять минут вытащила кошелек. Постояла немного, потом подхожу к кассирше: «Вот, кто-то обронил, возьмите...» А на выходе вижу — в сумке рестегнутой — еще кошелек сверху лежит. И снова меня «потянуло». Я его взяла, подержала и в ту же сумку бросила, а он, зараза, «не отпускает»; опять взяла — опять бросила, ну, а на третий раз меня саму взяли.*

Людмила К. (8 судимостей). *После семьюго срока решила завязать. Уехала в деревню, пошла работать в колхоз телятницей. В первый год труднее всего в магазине было ходить. И не хочу ничего такого, а руки сами собой «играют». Тогда скорей бегу домой, вешаю пальто на вешалку и давай из своего кармана кошелек тягать... С*

полчаса потягаю — легче становится.

Но только ли необоримая kleптомания повинна в том, что большинство этих женщин снова и снова оказываются за решеткой?—

Я проработал в штой колонии двенадцать лет — говорит А. Н. Парфенов, — и могу со всей ответственностью сказать, что чаще других сюда попадают люди, брошенные обществом на произвол судьбы, потерянные, утратившие полезные социальные связи.

Выписка из личного дела заключенной Нины С.

1936 года рождения, незамужняя, детей нет, семь судимостей за кражу личного имущества граждан, первая в 52-м году, последняя в 88-м, особо опасной рецидивисткой признана в 72-м году, в местах лишения свободы провела 32 года. Из приговора суда: «С. тайно похитила из сумки потерпевшей Я. кошелек с деньгами в сумме 25 рублей 17 копеек... Подсудимая вину признала... Суд квалифицирует действия С. как кражу, совершенную повторно, особо опасной рецидивисткой. Суд приговорил: С. Нину Сергеевну признать виновной... и назначить наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет с конфискацией имущества, обратив конфискацию на деньги и телевизор».

Из интервью с «бабой Маней» (Мария Г.). Общий тюремный стаж 52 года.

Мне было 12 лет, когда получила год за кражу. Есть хотела, зашла в чужую хату, наелась, да уснула на печке... Это в 36-м — первый раз. Год просидела, вышла на волю, через тринадцать дней опять забрали за кражу, снова дали год. Отсидела, 19

дней погуляла, опять в тюрьму. Дали три года, а в лагере зарабатывала, зарабатывала: 20 лет, 4 месяца, 20 дней без выхода сидела. Война началась когда, нашу детскую колонию сюда на Урал перевезли. В карцере с девочками сидела, давай листовки писать на Сталина... Дали расстрел, заменили семью годами, как молодая была. Потом вторично дали расстрел, двум мужчинам, женщине и мне, опять за листовки... Освободилась больная, инвалидом II группы, пенсию мне дали, тогдашними деньгами — 75 рублей. Потом по Указу дали десять лет... За что? За кражу... Мужик один обокрал собственную мать, под дом мой подкинули ватин какой-то, туфли. Получилось, как будто я украдала... Так вот и сижу, за кражу, да за кражу. По карманам лезть не умею, боюсь... только по квартирам. От последнего срока пять с половиной лет осталось. Если доживу, ждет меня инвалидный дом. Или сумасшедший дом...

Краткая история Татьяны И., особо опасной рецидивистки.

1921 года рождения, впервые осуждена в 1938 году, как дочь врагов народа. Затем судилась за кражу; затем — опять по 58-й, за антисоветскую пропаганду. Три года фронта, санитаркой в штрафбате. В 47-м амнистирована как участница ВОВ, а с 48-го — еще одиннадцать судимостей, главным образом, за карманные кражи. Муж умер в 1973 году в тюрьме, а единственный сын погиб в Афганистане. Перед последним арестом прожила на свободе около двух лет. Осуждена за нарушение правил административного надзора (самовольно покинула дом престарелых) и три кражи общей суммой в 70 рублей.

— Я эти кражи нарочно придумала, — сообщила мне Т.И. (в пригово-

ре запись: «Украдено у неустановленного лица...»), — следователь их с моих слов в протокол записал! Прокурор даже не хотел давать санкцию на арест. «Не буду грех на душу брать, давай отправим тебя назад в дом престарелых!» А я ему: «Выпустите — под поезд брошусь!»

— Могло такое быть? — спрашиваю я у Парфёнова.

— Отчего ж не могло? Обычная история. В домах престарелых условия еще хуже, чем у нас. Вот они и возвращаются сами сюда. А нередко бывает, что пожилые и вовсе не хотят выходить из колонии. На воле они чаще всего никому не нужны. Выходит такая рецидивистка в 55 лет, а у нее и стажа для пенсии нет. А ведь они здесь всю жизнь не просто сидят, они работают, да еще как работают! И вот подумать, почему их не оставлять на воле?! Ну, украдала она 50—100 рублей, так пусть работает, возмещает украденное в двух-трехкратном размере. Зачем им жизнь ломать?

Около 40 процентов осужденных Березниковской колонии составляют женщины пенсионного и предпенсионного возраста, инвалиды и тяжело больные (рак, туберкулез, сердечно-сосудистые заболевания). Уже в силу своего физического состояния, они не могут представлять серьезной общественной опасности. Печальный парадокс состоит в том, что и просто освободить их уже нельзя. Это значило бы бросить их на произвол судьбы.

— В принципе местные Советы обязаны оказывать помощь в бытовом и трудовом устройстве освобождающихся в течение 15 дней, — рассказывает инспектор по содействию Н.А. Шварева, — однако они, как правило, стремятся это переложить на милицию — милиция, в свою очередь, обратно на местные Советы, и так до бесконечности. Человека отфутболивают из одного ка-

бинета в другой, надеясь, очевидно, что он куда-нибудь провалится. По сути, их снова толкают на путь преступления.

— И никто по закону не несет за это ответственность? — спрашиваю я у Нины Александровны.

— Абсолютно. Нет такого закона. Это прореха, пробел в законодательстве. Никакой ответственности...

Из интервью с особо опасными рецидивистами.

«Когда я освободилась, устроилась на работу в больницу. Взяли меня по трудовой книжке — люди им были нужны, а другие мои документы смотреть не стали. В милиции, куда я пришла, чтобы отметиться, попросила не сообщать ничего обо мне на работу: ведь отношение ко мне на работе было поначалу хорошее, и меня это обязывало. Через неделю вызывает меня главный врач: «Почему вы скрыли, что вы — особо опасная рецидивистка и находитесь под надзором?» В этой больнице работают одни женщины, все сразу про мое прошлое узнали. Совершенно переменялось отношение ко мне — хоть беги оттуда...»

«Надзор — это унижение, продолжающееся и после освобождения. Милиция или дружинники могут прийти в любое время дня и ночи. Все вокруг начинают относиться к тебе с опаской: зря милиция ходить не будет. И мужчина поприличнее с тобой знакомиться не будет»...

«Мне нужно было три раза в месяц ходить на отметку к участковому. Один раз меня не отпустили с работы в те часы, когда участковый был на месте, в результате заработала нарушение надзорных правил. Во второй раз, чтобы не заработать нарушение, пришлось опоздать на работу. На-

чалник говорит, что ему такие работники не нужны... Пришлось договариваться с участковым за самогонку: отмечаться один раз в месяц... В действительности, надзор только ухудшает наше положение. А от преступления, если человек задумал его совершить, никакой надзор не удержит...»

«После освобождения меня направили в город Нижнюю Туру. Вообще Нижняя Тура отказалась меня принимать, но и все другие места, куда Нина Александровна отправляла запросы, тоже от меня отказались. А ехать куда-то все равно было нужно, и мы решили, пусть это будет Нижняя Тура. Когда я прибыла туда и обратилась в милицию, в райисполком, там все пришли в дикий ужас, каждый говорил мне: «Зачем ты к нам приехала?» Потом только я выяснила, что я у них единственная женщина-рецидивистка. Когда в городе обо мне узнали, отношение было такое, как будто к ним явился человек с рогами, только спрятанным под шапкой...»

«С рогами под шапкой»

Отношение числа заключенных к числу совершаемых преступлений у нас примерно в десять раз выше, чем на Западе. Конечно, дело не в том, что в борьбе с преступностью мы на порядок превзошли страны Европы и США, — просто вопрос уголовного наказания решается там несколько рациональнее: чем больше людей за свои преступления отправляется за решетку, тем больше в результате проблем с ними имеет общество. Социальная реабилитация освобождающихся — дело дорогостоящее.

Содержание заключенных в СССР для госбюджета никогда проблемы не составляло. Реабилитацией же у нас занимаются лишь в последнее два года, да и то в порядке эксперимента.

Остается только догадываться, что ожидает наше обильно гулагизированное общество в ближайшие годы экономической нестабильности.

Куда направится вчерашний зэк «с рогами под шапокой» и волчьим билетом в кармане? Крайним в очередь безработных? Когда кругом столько возможностей для блистательной «криминальной карьеры» — и никаких шансов для обычного социального благоустройства?!

Нам не хватает буквально всего: денег, времени, опыта, специализированных патронажных служб. Но более всего прочего не хватает социологического чутья у нашего Законодате-

ля. Он по-прежнему полагает, что живой жизни можно предписать Закон, а не вывести его из нее. В этом убеждаешься, когда читаешь проект Основ уголовного законодательства СССР, куда перекочевали многие юридические фикции и мифологемы действующего уголовного права. В том числе и пресловутая статья об особо опасных рецидивистах. И это, я думаю, действительно опасно.

Валерий АБРАМКИН,
руководитель Общественного Центра
содействия гуманизации пенитен-
циарной системы.

ПОЧТА

Спасите нас

Миллионы людей в моей стране живут сегодня в ожидании лучшего — через пять, десять, пятнадцать лет. Они живут в ожидании и в ожидании умирают. Дети, рождающиеся у них, принимают с первых часов жизни эту мучительную эстафету ожидания лучшей жизни.

Когда личность — ничто, мировые ценности — ничто, законы общественного развития — тоже ничто, достаточно лишь смело и решительно двигаться «под руководством», работать в коллективах, соблюдая дисциплину и организованность, иметь поменьше мыслей, и все будет в порядке.

Это страшно — жить в стране, которая неизвестна своему народу, но еще ужаснее, когда народ неизвестен и бесправен в собственном доме.

Маленький огромный народ — в большой неизвестной стране.

А я так хочу жить на планете Земля.

И чтобы пришел ко мне не на словах, а на деле приоритет общечеловеческих ценностей, закрепленный уже давно международными правовыми актами. Ценностей без унижительной прописки и талонов, без спецраспределителей и спецбольниц, без нервных, судорожных рывков, агоний и авралов, без бесконечного ожидания лучшего.

Так хочется воскликнуть: «Здравствуйте, общечеловеческие ценности! Примите нас в свои надежные объятия. Примите нас, бессмертная музыка Паганини и Бетховена, Церковь Покрова-на-Нерли, песенная совесть Владимира Высоцкого, удивительный мир Шекспира и Толстого и еще многое, многое другое, чудное и светлое, что хранит земная память. Примите и оградите от нескончаемых очередей, от убогой, однообразной, узаконенной жизни!»

Вадим ШАРЫГИН,
1963 г. рожд., г. Москва.

ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ СССР: В КОНЦЕ ПУТИ

Виктор АЛТАЕВ

Прошлым летом на улице мне предложили купить авиационный пулемет. Пьяный прапорщик ВВС просил недорого — всего на бутылку. Он наверняка нашел менее привередливого покупателя, и сейчас, может быть, из этого пулемета постреливают в Баку или Степанакерте.

Отношения между армией и обществом на теперешнем этапе перестройки вступают в новую фазу. Армия сокращается, общество вооружается — и вооруженный народ вступает в боевые действия с той же армией в разных регионах страны. В боях участвуют обученные в одних «учебках» солдаты и офицеры: всеобщее военное обучение, начинающееся в школах и заканчивающееся с наступлением пенсионного возраста, приносит свои плоды. Вертолеты, зенитные ракеты и автоматы, которыми воюют солдаты и экстремисты, взяты с одних и тех же складов.

* * *

Роль вооруженных отрядов в социалистическом обществе чрезвычайно велика. В видах и родах войск, в разнообразии погонов, лычек, цветах мундиров и других знаков отличия

может запутаться и хорошо подготовленный разведчик. Символы принадлежности к вооруженному народу пронизывают наше социалистическое бытие: штамп в паспорте «военнообязанный», необходимость вставать и сниматься с военного учета при любой перемене места жительства и работы, бесконечные сборы и обучения, военные кафедры в учебных заведениях и школьная военная подготовка. Наконец, вездесущие «вторые отделы», где отставники в окружении хорошеньких девиц ведут повальный учет нашей несметной воинской силы.

Отряды вооруженных людей, по идее, должны защищать государство от внешних и внутренних врагов, количество которых не счесть, как птиц в небе: социальные группы и классы, страны и народы, даже природа в виде стихий, наводнений и землетрясений. Народ забирают в армию, чтобы убирать хлеб, строить никому не нужные мелиоративные системы, возить грузы, охранять железнодорожные пути, ликвидировать последствия стихийных бедствий и техногенных катастроф, возникших на предприятиях, где делают оружие и начинку для него.

В нашем государстве вооруженные

отряды людей вовсе не армия в том смысле, который обычно вкладывается в это понятие. Все 70 лет существования государства его армия была подчинена служению социалистической идее. После окончания Второй мировой войны она защищала завоевания социализма в Венгрии и на Кубе, в Чехословакии и в Анголе, в Египте и Северном Йемене, во Вьетнаме и в Корее. Теперь мы знаем, какой именно социализм наши военные там защищали. Только Австралия да Северная Америка, да, кажется, Антарктида не повидали наших солдат и офицеров. Ядерные щиты ялтинской системы, препятствуя катастрофе, которая выжгла бы сотни миллионов людей, в то же время создавали парниковую атмосферу для малых войн, в которых погибали сотни и сотни тысяч мужчин и женщин.

Кроме внешних функций военные в нашей стране выполняют и многие другие столь же опасные для жизни. Когда был получен плутоний для первой в СССР атомной бомбы, оказалось, что не готов технологический транспорт и нечем доставить этот военно-химический элемент к месту сборки. По личному приказу Берии сотня здоровых солдат в рюкзаках перенесла плутоний из шахт реактора к месту сборки — и умерла в страшных мучениях на следующий день.

Целая дивизия (как теперь стало известно) по прихоти военных теоретиков топталась в эпицентре взрыва атомной бомбы в 1954 году только для того, чтобы отработать тактику вооруженной борьбы во время и после атомного взрыва. И только 3-му Главному управлению Министерства здравоохранения СССР ведомо, сколько молодых парней умерло и еще умрет после того, как они голыми руками растаскивали завалы на разрушенном блоке Чернобыльской АЭС. Измотанные плохим питанием и ка-

зармой солдаты сдают кровь по четыре раза в месяц, чтобы получить тридцатку на карманные расходы, возможность невыхода на работу или право на внеочередную увольнительную. Что уж напоминать о том, как через всю страну каждую осень тянутся теплушки с солдатами, мобилизованными на уборку урожая?

Наши Вооруженные Силы умеют, наверное, все — кроме своей нормативной функции: защиты государства от внешних врагов. Беспремерный полет Матиаса Руста доказал, что простой невращающийся может донести любой вид оружия до столицы государства и приземлиться в центре тщательно охраняемого города рядом с бравыми солдатами, демонстрирующими выправку, прусский шаг и микросекундную точность в выполнении тщательно отработанных абсурдных движений. Тем временем аварии атомных и дизельных подводных лодок стали уже привычными, а потери самолетов и вовсе не вызывают никакой реакции у нашей усталой общественности.

* * *

Письма уставших бояться солдат и офицеров все чаще появляются на страницах газет и журналов. Гласность тронула армию, и развороченная ею куча проблем стала открываться во всей ее неприглядной срамоте. Возникает ощущение, что ставшая притчей во языцах «военная жила», основанная на принципах единоначалия и партийного контроля, сочетается с фантастическими по размерам и бесстыдству анархией и коррупцией, с приемами управления, более похожими на лагерные, чем на военные.

Государственные институты производны от функций по обслуживанию

вооруженной части народа. Потребности обеспечения этой части соответствующей техникой при составлении бюджетов государства до недавнего времени принимались без обсуждения. Невоенные государственные институты, по сути, лишь дополнения к различным воинским формированиям, разбитым на округа, направления, роды войск, гарнизоны и отдельные части. Огосударственное общество обслуживает вооруженные силы и выступает чем-то вспомогательным и вторичным по отношению к ним: как мобилизационный резерв и материальный ресурс, слабое развитие которых ограничивает техническую модернизацию и постановку на вооружение современных систем уничтожения людей. В периодически вспыхивающей полемике военные рассматривают армию как мощнейшее средство социализации молодых людей, не заменимое никакими гражданскими институтами, а решение проблем с угрозой применения оружия как единственно верное и справедливое.

Такая роль и структурное положение вооруженных сил были оправданы во времена, когда вооруженные силы рассматривались как средство мировой революции или, на худой конец, как инструмент охраны социалистического лагеря. Функции отмерли, а структура, соответствующая этим функциям осталась практически неизменной.

Бездвоенное экономическое положение и сеть социальных конфликтов, опутавшая страну, заставляют малопомалу приступать к перестройке вооруженных сил. Однако перестройка понимается как сокращение войск и вооружений и переориентация военных производств на мирные рельсы. Руководство армии с порога отвергает наивные заимствования теоретиков, такие как переход на профессиональную армию или реформирование

ее по территориально-милицийскому принципу. Вооруженные Силы, теряя боеспособность, сохраняют способность и желание к самосохранению и самовоспроизведению. Структура, лишенная своего функционального предназначения, начинает бродить и гнить, а конфликты, которые вооруженные силы тают в себе, может быть, несут не меньше опасности, чем те группы экстремистов, против которых они сейчас начинают использоваться. Иногда возникает ощущение, что эта структура ради самосохранения может пойти на изменение самого общества и на воссоздание тех функций, ради которых она и была создана.

* * *

Мне кажется, что под уже привычным словосочетанием «перестройка в армии» скрывается потребность в совсем ином, а именно, в структурной демилитаризации общества и государства. Военные и гражданские теоретики начинают размышлять над этими проблемами. Мне пришлось присутствовать на дискуссии военных теоретиков, на которой они решали проблему, чем же является СССР — мировой или не мировой державой? В конце концов сошлись во мнении, что СССР уже не мировая держава, а «европейская страна с интересами в Азии». Такое определение, при всей его недостаточности, естественным образом изменяет спектр государственных интересов страны и, соответственно, структуры и объемы ее вооруженных сил.

Но то, что сейчас называется СССР, не страна. Это особый Мир, затерянный на шестой части земной тверди, состоящей из десятков лишенных автономии и нежизнеспособных вне мира государств. Центробежные силы, стремящиеся разор-

вать социалистическую вселенную, десятилетиями сдерживались угрозой внешнего нападения, которая, в свою очередь, была лишь реакцией на стремление страны Советов навязать человечеству свою экономику, политику и социальную структуру. Первым шагом перестройки была ревизия экспансионистских принципов, и другие страны ответили на это явной или неявной переориентацией своих оборонительных стратегий, уменьшивших или модифицировавших угрозу внешнего нападения до вполне разумных пределов. Уменьшение угрозы неминуемо преобразовалось в увеличение центробежных сил, и в отпадение от социалистического мира его форпостов и анклавов, приобретенных в послевоенные десятилетия. Теперь центробежные силы разрывают СССР на естественные и неестественные части. Несовместимость социально-экономических укладов, образов жизни, идеологий и религий разных частей страны, неразрешимая обычными и общепринятыми мерами, медленно, но верно перерастает в войну между подразделениями административно-территориального деления СССР, стремящимися стать национальными и самоопределяющимися государствами.

Вооруженные Силы СССР оказались совершенно не готовыми к такому ходу событий. Необходимость применять оружие против «советского народа» вызывает вполне понятную реакцию профессиональных военных, что не мешает использовать регулярные части в ходе борьбы с националистами в Средней Азии и Закавказье. Вооруженные Силы делают вид, что только чрезвычайные обстоятельства и могущие быть оспоренными правительственные решения заставляют их принимать участие в непопулярных полицейских акциях.

Но какая бы неприглядная история не связывала в целое части нашего

государства, оно существует десятки лет и распад его на агрессивные национальные ключья невыгоден всей остальной ойкумене. Падение форпостов в Восточной Европе уже привело к росту напряженности в отношениях между странами Общего рынка и к тому, что военная опасность столкновений между Румынией и Венгрией, между Болгарией и Югославией, между Европой и Объединенной Германией из нулевой стала вполне ощутимой. Отделение от СССР Прибалтики и Закавказья увеличит напряженность на всем земном шаре. Отделенная и противопоставленная всему миру его шестая часть не может немедленно войти в мировое сообщество. Необходима длительная и хорошо подготовленная адаптация ойкумены к СССР, и СССР к ойкумене. Естественно, и роль Вооруженных Сил СССР в этом процессе поддержания мира должна быть очень велика. Но это должны быть совсем другие вооруженные силы, другая — настоящая — армия.

Мне кажется, при перестройке в Вооруженных Силах нашим военным теоретикам и политикам не надо ориентироваться на устройство армий других стран, какими бы соблазнительными ни казались достигнутые ими показатели мобилизационной готовности и боевой подготовки. Скорее, аналогом устройства Вооруженных Сил СССР должны быть такие структуры, как войска ООН.

Естественно, полной аналогии с международными вооруженными силами быть не может. СССР должен сохранить оборонительный потенциал, основанный на ядерном оружии, и соответствующие роды войск, подчиняющиеся только центральному правительству. Другое дело, что этот потенциал может быть существенно уменьшен в соответствии с принципом разумной достаточности и изменившимся стратегическим положе-

нием страны.

Зато все другие функции Советской Армии нуждаются в коренном пересмотре, тем более, что развитие событий уже выходит из-под контроля центрального правительства. Практически невозможно противодействовать процессам создания территориальных армий, принимающих сейчас форму подготовки боевиков самими различными организациями — от национальных и народных фронтов до патриотических обществ. Было бы разумнее искать способы институализации этих формирований и подчинения их территориальным органам власти в лице республиканских и местных Советов народных депутатов. В противном случае, территориальные военизированные формирования неизбежно вступят в изматывающие партизанские действия между собой и с Советской Армией, как это происходит в Закавказье.

Кроме территориальных воинских формирований, необходима и армия, подчиняющаяся союзному правительству, но выполняющая только внутренние полицейские функции. Именно по отношению к таким формированиям вполне применимы принципы организации и функционирования войск Организации Объединенных Наций. Но для этого надо, чтобы СССР из нынешнего механического агрегата стал федеративной державой, состоящей из самоопределившихся государств, каждое из которых вкладывало бы средства и челове-

ские ресурсы в содержание союзных сил поддержания мира. Именно таким войскам придется снимать остроуго все чаще возникающих конфликтов между республиками, областями и другими подразделениями нашего государственного устройства. Было бы естественным, чтобы именно такими формированиями осуществлялись задачи ликвидации последствий стихийных бедствий и катастроф.

Тройственная структура Вооруженных Сил, состоящих из: 1) войск стратегического назначения, 2) войск федерального правительства и 3) вооруженных территориальных формирований, подчиняющихся Советам народных депутатов или другим представительским органам власти, на мой взгляд, гораздо больше соответствовала бы внутренней организации нашего государства и его внешним функциям. Естественно, предполагаемое изменение Вооруженных Сил и формирование настоящей армии из многовидового и разноаспектного агрегата, который есть сейчас, затрагивает не только то, что называется Советской Армией, но и все остальные Вооруженные Силы, такие, как войска МВД и КГБ, с соответствующим изменением их численности, структуры, функций и подчиненности. От того, как скоро и насколько результативно пройдет реформа наших Вооруженных Сил зависит, видимо, не только существование страны, но и наше с вами.

ПОРОГ

(ИЗ МОНОЛОГОВ 1990 ГОДА)

Михаил ГЕФТЕР

1.

Обычная вещь — календарь. Перевернул листок — дата: год, месяц, число — чему удивляться? А я вот пишу письма и всякий раз, когда надо поставить дату, рука задерживается, как-то не выписывается «1990 год».

Кажется странным. Первый год последнего десятилетия моего века, я в нем родился, невдалеке его начала, и едва ли за пределы этого века выйду. Но вот ставлю дату и ощущаю какой-то вызов судьбе. Вот, дожил-таки до девяностого года, а сколько раз мог бы и не дожить! Это ощущение какой-то странности, чувство близкого перелома в собственной судьбе, и не отдаленно, а в связи с судьбами других, близких и далеких, всеобщими судьбами.

Это чувство не покидает и обостряется событиями, которые идут и идут, тревожа душу и ум. Вот ушел из жизни Андрей Дмитриевич Сахаров, вот — война в Закавказье; и новые, еще незнакомые беды мира, который вдруг открыл для себя, что он может, и довольно быстро, кончиться без войны, благодаря катастрофам, которых все больше, и они как-то соединяются, слипаются в один общий ком...

Чувство порога переплетается и с ощущением того, что вот этот век, мой

век, уходит, а я останусь с ним, уходящим веком, — с ним и в нем — это чувство и помогает отвечать на вопросы современника, и затрудняет. Конечно, можно было бы пойти по простому пути: скажем, сличить мои сегодняшние мысли с теми текстами, которые десять лет назад изымали те, кто входил в дома с ордерами на обыск. В каком-то главном, решающем отношении, события все-таки пришли к нам, и то, о чем мы говорили лет десять назад в самиздате — о России в мире, об альтернативе, о судьбе коммунизма и марксизма как мироощущения, притязавшего на то, чтобы этот мир изменить, — и, может быть, изменилось, да только в какую сторону?

Тут разговор неизбежно для меня принимает характер ощупывания какого-то рубежа. Вот мы у себя дома — и только ли у себя дома? — стоим перед великим порогом. Его надо перешагнуть. Но что-то удерживает от того, чтобы перешагнуть порог.

А обстоятельства вынуждают. Дальше топтаться перед порогом нельзя. Что же мешает?

Незнание — что там, за порогом, нас ждет? И это незнание, этот страх перед неизвестным сковывает силы душевные, умственные, отнимает энергию сопротивления обстоятельствам,

приносит ощущение того, что ты **вроде бы** раскованный (не придут с обыском, не потащат в прокуратуру...), ты лишь **будто** свободный, зато чем-то еще больше скован изнутри. Вроде бы свободен говорить вслух и даже печататься, а наваливается какая-то немая тяжесть. И с нею — новое, не то, что раньше, восемь-десять лет назад. И все-таки оно — ощущение беспомощности и бессилия.

И что с того, что ты его предвидел, раз не в силах на него повлиять?

2.

Сколько раз говорилось за эти годы о том, что мы в чем-то очень важном и существенном (мы, Россия, Советский Союз, народы, люди, живущие здесь) — особняком в мире; мы маргиналы мирового развития. Все, или почти все, конфликты, которыми раздираем нынешний Мир и которые в той или иной связи, но все-таки разобщенно присутствуют в разных концах, углах, континентах и странах Мира, все они как-то сгустились, сконцентрировались, собрались на нашей земле. С этой, не слишком радостной точки зрения, мы — мир в большей степени, чем кто-либо другой на этой планете. Говорили мы об это? — Ужасающе подтвердилось. Радоваться тому, что мы говорили об этом десять лет назад? — Судите сами. Что за радость оказаться неразвитой страной?

Самое существенное из сделанного за время перестройки — демонтаж сверхдержавы. Мы сегодня стремительно уходим из клуба развитых, клуба сильнейших, самых страшных, наиболее способных прервать жизнь на земле. Уходим — и обнаруживаем, что мы даже и не из развивающихся! В чем-то впереди, а в чем-то (существенном) и позади многих из развиваю-

щихся стран. Являя собой клубок коллизий, конфликтов и драм сегодняшнего мира, мира, который кончат 20-й век и начинается уже вглядываться в 21-й, мы, может быть, наиболее планетарны на нашей планете. Наиболее планетарные и — наименее развитые!

Для решения наших проблем нет готового рецепта. Он не может быть предписан, предложен нам кем-то извне для нас — без нас. Он — по существу, в идеале, в проекте — беспрецедентен; следовательно, он и не рецепт. Чему же тут радоваться? Ведь это тоже духовный обвал. Перестройка началась с освобождения, с очищения умов и душ, а расшиблась о внутреннюю стену.

Что же мы такое как целое? Можем ли существовать дальше как целое и на каких основаниях? По какому чертежу мы должны заново строить свой общий дом, да и надо ли его строить?

Сейчас, когда я говорю это, в Закавказье идет война. Есть жертвы, льется кровь.

Идет война народов, кровавое ужасающее подтверждение мысли о том, что у нас нет в руках готового чертежа будущего дома, в котором могли бы на равных суверенных началах и правах жить все.

3.

Все сегодня спешат знать, откуда они родом. И узнавши, прикоснувшись к своим корням, к своим истокам, голосу своей крови и своего этноса (мирно или не мирно прикоснувшись, — это следующий, очень важный вопрос), определить себя и свое завтра. А я?

«Я родом из русского, российского 19-го века»? Родом из несостоявшегося человечества, которое когда-то было заявлено маленькой еврейской сектой, а потом — двадцать веков европейского, новоевропейского развития! — превратилось в заявку на мир, критикой самого себя, утвержде-

нием самого себя, коммунизмом, марксизмом...

Ты нуждаешься в том, чтобы самоопределиться? А если не будешь участвовать в этом процессе, захватившем сегодня всех, то кто ты здесь? Нужен или не нужен? Может, тебе место где-то за пределами этой гигантской Евразии, которая сегодня разбирается сама с собой прежде всего по этому признаку — «откуда ты родом, с кем ты, с чем ты?»

А ведь места мне за пределами этого пространства нет. И не только по возрасту, и не только потому, что тут могилы близких и родных, убитых и замученных, безымянные или с памятниками. Но мыслями ты прикован к этому пространству; все мысли твои оттого, что ты жил здесь, страдал здесь, оттого, что тебя преследовали здесь, оттого, что ты не хотел быть лишним, оттого, что пережил тут целые эпохи, — и пришел к тому, что в конце жизни должен все начать сызнова и неизвестно еще как.

В уходящей эпохе было слово магическое, как свет в тоннеле, — **альтернатива**. По-русски лучше сказать — выбор. Выбор, который лежит по ту сторону капитализма и социализма и выражен в коротенькой формуле (а за ней целые годы): Мир в Мире. Мы можем еще спастись тем, что сорганизуемся внутри себя, оставаясь в своем доме без всяких притязаний на присутствие в других местах, пересоздадим его как проекцию мирового сообщества, как один из миров в этом Мире, которому, как мне представляется, суждено сохраниться навсегда отказавшись от вселенского единообразия.

Я думаю, что мировой акцент грядущего тысячелетия переносится на жизнетворящие различия, что только здесь выход, в том, чтобы эти различия получали взаимную поддержку, согласовались во что-то общее, что уже не будет человечеством, зато бу-

дет сообществом миров, чем-то совсем другим, чем были люди в течение целого тысячелетия. И это-то сознание, мысль эта, выношенная мною за долгие годы, принесла сегодня страдание. Ведь как будто бы мысль эта подтверждается со знаком «минус». Скажем: подтверждается на двух полюсах. Один полюс — ненасильственный (Литва, Прибалтика), другой — насильственный (Закавказье). А уже на близком, на подходе, — Россия как вызов, как неизвестность, как вулкан, который едва начинает дымиться, а завтра такую лаву вывалит из своего кратера, которая сожжет гораздо больше судеб человеческих, чем лава азербайджано-армянской междоусобицы. Вот почему я хотел бы сегодня, именно сегодня, 20 января 1990 года, в день, когда война в Баку в самом разгаре, когда Баку оккупирован войсками российскими, вот в этот день на чем-то остановиться.

Сегодня трудно согласовать чувство с мыслью. Так пускай здесь, в этом монологе, будет только чувство. Но посередке есть одно обстоятельство, с которого я начну следующий разговор. Вот прогремела на весь западный мир статья американца японского происхождения о конце истории. Люди пришли к тому, что они все будут, скажем, «западниками», людьми, которые будут жить по этому образцу, эталону, плану, способу самореализации.

Все люди на Земле будут жить в рамках правового устройства западного типа, западного способа чувствовать, мыслить, жить, строить, производить, потреблять. Потреблять, чтобы производить; производить, чтобы потреблять. И это и есть конец истории. История завершилась. Она выполнила свою работу, и теперь люди будут жить просто так.

Тема конца истории, который не означает конца человеческого существования, — это моя кровная тема, но

ожидавшаяся мной совершенно иначе. Я, конечно, никогда не представлял себе, что конец истории и переход в другое состояние или возврат человека в эволюцию на высоком витке достигнутого им, и на высоком витке разрушенного им вокруг себя и в себе, что этот переход будет чем-то идиллическим. Я понимал, что он будет продиктован жесткими обстоятельствами. Но я не представлял себе, что эти обстоятельства с такой неразумной, тупиковой остротой и силой выявятся у нас дома и именно сегодня, вот в этот день, 20 января 1990 года.

Дата — вещь условная. Конец истории не может быть, конечно, прикован к одному дню. Чересчур широкое и хрупкое это понятие, абстрактное при всех своих осязаемых чертах, чтобы быть календарно приуроченным. Но вот 20 января 1990 года. Баку; еще два дня — и будет сорок дней со дня смерти Андрея Дмитриевича Сахарова... Этот день будет так осязаемо ощущаться мною как день конца истории. Только не в том смысле, конечно, что победный Запад, и только он, раздвинет свои пределы до последнего клочка земли, на котором присутствуют люди.

Когда-то, лет восемь назад, почувствовав себя человеком, который не может отвечать за то, что происходит против его воли, против его убеждения, ибо у него отнята возможность отвечать, я вышел из КПСС. Сегодня откуда мне еще выйти, ощущая вот эту новую невозможность отвечать за происходящее? Откуда я должен выйти? Запереться в собственном доме? Закрыть уши? Превратиться в Форсайта, от которого скрывали, что идет война 14-го года?

Да, конечно, я от этого, что сейчас происходит, не уйду. И паспорт не сдам. Но парадокс 1990 года состоит в том, что самое сокрушающее мою жизнь пришло как осуществление моих старинных «абстракций». Даже

когда ты многое предвидишь, предчувствуешь и почти знаешь, все равно, когда оно приходит к тебе чем-то страшным, что ты бессилен изменить, это чувство перекрывает даже твой вчерашний прогноз.

Пессимизм мешает понять, что очень важные вещи надо начинать сначала. Перестройка кончилась 20 января 1990 года. Но ее похоронить нельзя. Ее надо внутренне начинать сначала, и нет ничего более противоречащего смыслу и духу ее, чем «статус-кво» перестройки. Именно этот «статус-кво» нас разоряет, духовно принижает, стопорит наше движение, вселяет в нас тоску, опустошает нашу голову и душу.

4.

Человек в одиночку не может уйти от катастрофы. Значит, для того, чтобы просто выжить, он должен вложиться своим существованием в какие-то далекие и чуждые ему существования. Что двигало Запад вперед, позволяя ему, в общем, занять первое место в планетарном существовании, определяя это существование самим собой? Запад научился ассимилировать сопротивление самому себе.

Удержалось ли бы христианство, если бы оно, отвергая ереси, потом не вбирало бы их в себя? Сохранилась ли бы, выросла ли бы, возникла ли бы демократия как таковая, если бы она была просто суммой представительных учреждений, прав с кодексом Наполеона, английской Хартией и прочим? Если бы она не была по самой сути своей ассимилирующей сопротивлении западному строю жизни?

Ведь Запад, победив фашизм, зажил же новой жизнью. Он вобрал в себя этот катаклизм, переработал, и демократия стала другой, экономический уклад стал другим. Но сегодня Запад теряет самую главную из своих благо-

обретенных способностей — ассимилировать сопротивление самому себе, **изнутри** самого себя. Потенциал этого сопротивления снижается! Левые — правят, а те, кто не правит, превращаются в фанатиков, террористов, изгоев, которых общество может содержать, — денег у него хватит — но которые этому обществу не нужны.

И вот для духовного спасения самой высокой черты западной цивилизации — ассимиляции сопротивления себе, переработки этого в новые свойства и качества своей цивилизации, — для этого Запад должен обрести способность ассимилировать то сопротивление себе, которое идет **извне** его, от того, что мы называем Востоком, Югом...

Все равно, как ни назови, это мил-

лионы молодых людей. Миллионы людей — и стареющий Запад. Запад, которому грозит стать обществом «старых» людей, которому будут противостоять миллиарды «молодых», страшная сила молодежного сопротивления, напора, идущего из африки, азии, латинских америк, чтобы выжить Западу, Востоку, Югу, — всем нашим мирам, ни один из которых не сможет стать Миром в одиночку, и из нашей, российской азии, в частности. Речь идет просто о том, чтобы сохранить, выжить, вложившись в непохожие существования, которые могут прийти к тебе, если не ядерным устройством, то такой экологической катастрофой, такой «озоновой дырой», которую не залатаешь в одиночку.

НЕ ДЕЛАЙТЕ НАМ РЕКЛАМУ!..

Елена АНАСТАСИАДИ

Советская пресса! Мы не обращаем внимания на все нелепицы, которые вы о нас пишете (похвала газет вашего толка была бы оскорбительна), но просим лишь об одном: не делайте нам рекламу!!

Реклама при ваших тиражах такова, что к нам съезжаются люди со всех концов страны — те, которые поверили вам. «Экстремисты», «ультра», «призывают к насилию» — эти ваши высказывания о нас привлекают к нам людей, которые именно об этом и мечтают!

— Коммунистов надо вешать! (Почти как пароль, с порога произносят они.)

— Помилуйте, за что?

— Взятки, воровство, коррупция!

— Но для этого существует суд...

Смотрят сначала с недоумением:

— И суды ими куплены! Из них и состоят!

— Первый принцип наш — ненасилие..., но продолжить не дадут и потому спешу вставить:

— Вы читали нашу программу?

Но человек не слышит. Он копил в себе это слишком долго:

— Коммунисты уничтожили сорок миллионов! «Уничтожать их, как бешеных собак!» — их слова. — А с ними поступать иначе?

— Уничтожили. Но разве это все именно те люди, которые сейчас состоят в этой партии?..

О, боже! Нам приходится заступаться за коммунистов, вести их

идеологическую работу...

— За то, что человек нечестный ворует, идет против нашей совести (так называемые «честь и совесть коммуниста» — нераскрытая тайна XX века), вы обрекаете человека на смертную казнь?

Трудно объяснить элементарные истины.

— Они захватили власть! Просто так они ее не отдадут!

— Как — «так»? Извините, вы читали нашу программу?

Не читал. Но уже осуждает. Знакомое, с обратным знаком. Страстно хотелось поверить такой информации и потому впервые «купился» советской прессой.

Разговор не получается. Кончается тем, что в их глазах мы заслуживаем презрения. Поистине, крайности сходятся. Крайности сошлись, поменялись местами, встали с ног на голову...

Поэтому мы просим средства массовой информации не вводить «определенные силы» в заблуждение. А если газете «Правда» уже мало слов и она жаждет действий... Можно назначить место сбора «этим силам», например, на площадке у издательства газеты «Правда» (с первых дней советской власти достойной именоваться «Советская правда»).

«Свободное слово»,
орган партии Демократический Союз,
№ 3(33), 1990.

МАГИ-ПОЛИТИКИ

Сергей МИТРОХИН

В День прав человека Валерия Новодворская, стоя у подножия памятника Пушкину, разорвала портреты Ленина и Горбачева.

В отношении к первому это воспринимается как символическое поправление праха. Со вторым дело обстоит сложнее: есть основания полагать, что он стал жертвой символического исполнения смертного приговора.

В свете магических представлений наших предков порча изображения человека или животного не столько даже символизировала, сколько прямо и грубо **обозначала** их гибель. Соответствовавшее изображению реальное лицо (вид животного) было **обречено**, его фактическая гибель оставалась вопросом лишь времени и элементарной техники...

С первого дня своего существования ДС исповедует два, казалось бы, взаимоисключающих принципа: ненасилие и революционность. Либеральная в своих программных идеалах, эта партия является сверхрадикальной в методах и средствах их осуществления. Поэтому не случайны те похвалы, которые В. Новодворская периодически расточает по адресу идейных антагонистов ДС — большевиков. В их тактике она приветствует довольно многое, категорически отрицая, пожалуй, только насилие. Но если предположить, что революционная (радикальная) тактика представляет собой некую **систему**, которую большевики использовали наиболее последовательно, то отсюда можно заключить только одно: насилие является необходимым элементом этой системы.

Приходит ли такая догадка функ-

ционерам и рядовым членам ДС в голову — об этом, в свою очередь, можно только догадываться. Однако очевидно, что неотвратимое, но не признаваемое официально позитивное отношение к насилию подвергается ритуальному запрету (табу) и загоняется в коллективное бессознательное партии.

Дальнейшие события развиваются по всем правилам фрейдизма: тяга к соблазнительному, но запретному, ищет удовлетворения и находит его в **сублимации**. Последняя же 10 декабря на Пушкинской площади приняла форму символической имитации насилия (смертной казни), которую практически нельзя отличить от самой настоящей **магии**.

Не многие из тех, кто наблюдал в этот момент волну коллективного наслаждения, захлестнувшую лица деэсовцев, откажутся подтвердить очевидное опасение: акты сублимации могут не только продолжаться, но и обостряться, все больше напоминая вакханалии (празднества, на которых снимались запреты), а венчающая их имитация — изображаемый ею **подлинник**. Не превратятся ли они не только в самый главный стимул, но и в самое главное оправдание (то есть цель) существования партии?

Нельзя ответить однозначно на этот вопрос. Остается лишь уповать, что он обнажит новую точку для приложения героической и сверхчеловеческой харизмы партийного идеолога и шамана Валерии Новодворской.

«Панорама», независимая
московская газета, № 2, 1990.

ШАГ САЮДИСА В ПОЛИТИКУ

Арвидас ШЛЕГЕРИС

Все происходило как во сне, сюжет которого не поддается пересказу, ибо снился он нам всем вместе. Это был коллективный сон всей нации. Называют этот сон по-разному: возрождением, освободительным движением, национальным пробуждением, демократией и т. д. Но чаще всего саюдисом — содвижением. Персонификацией, метафорой и центром саюдиса (с маленькой буквы) стал Саюдис (с большой буквы), то есть несколько десятков людей, которые придали саюдису форму политического движения и создали рудиментарные политические структуры. Благодаря этим людям саюдис стал политическим явлением, а также силой не только моральной, но и фактической. Благодаря им в Литве, спустя полстолетия, вновь начало появляться то, что можно назвать политикой и политическим сознанием. По-моему, это самое главное и весомое достижение Саюдиса. Именно с возникновением политического сознания связана наша великая надежда на будущее.

Конечно, не наша вина в том, что пробуждение нашего политического сознания и связанные с этим действия, по сути своей, были деструктивны. Мы были и остаемся поработенной нацией и, воспользуясь избитой метафорой, мы все еще стремимся разорвать и сбросить сковывающие нас цепи. Наше политическое сознание деструктивно, потому что оно до сих пор направлено на негативную, несодержательную цель — освобождение, называемое независимостью. Эта цель как единственная стратегическая задача записана в официальную предвыборную программу Саюдиса, где говорится: «Кандидаты Саюдиса (...)

будут добиваться восстановления независимого Литовского государства (...)». И все. Не говорится даже о свободной Литве, поскольку свобода просто отождествляется с независимостью, как нечто само собой разумеющееся. Независимая Литва — это Свободная Литва, в этом почти никто не сомневается и над этим не задумывается. Так ли это на самом деле? Именно такая мысль лежит в основе альтернативной предвыборной платформы Саюдиса. Выражена она так: «(...) Свобода личности — это единственный путь к благосостоянию, справедливости и независимости Нации». На самом деле независимыми мы станем только тогда, когда станем свободными. Независимость без свободы эфемерна и непрочна; утратить ее можно так же легко, как это уже было в 1940 году, а то и раньше.

Хотелось бы сделать сжатый и беглый обзор политики Саюдиса относительно целей свободы, независимости и их несоответствия. Иными словами, оценить политику, ориентированную на независимость (а таковой с самого начала была политика Саюдиса), ориентируясь на политику, цель которой позитивна, — свобода. Проще говоря: взглянуть на факты политики Саюдиса с позиций принципа свободы.

Политика независимости имеет одну роковую черту, которая отличает ее от позитивной, прагматической политики. Ее можно назвать ритуализмом. В течение 18 месяцев политика Саюдиса была ритуальной и харизматической. Таким символом (святой целью — по словам одного деятеля Саюдиса, повторяющего этот символ

как заклинание) является Нация, понимаемая в качестве субъекта и объекта Независимости. Тот, кто исполняет ритуал, обращенный к харизматической цели — независимой нации, не нарушая правил ритуала, и есть самый лучший политик. Совершенно логично, что величайшим достижением такой политики считаются ритуальные действия: живая цепь у моря, сомкнутые руки Балтийского пути, возвращение флага и гимна, пламенные речи в Москве, митинги, «Волна Возрождения» и т. д. Ритуальная цель требует от каждого ей следующего безусловного самоотречения и точного соблюдения ритуала. Нарушающий ритуал осуждается как еретик, поскольку стихия ритуала, как уже говорилось, — это прежде всего слово, еретиком незамедлительно становится тот, кто говорит не так, как того требует ритуальный символ, хотя возможно, что еретик говорит о том же и добивается того же, что и ритуальный ортодокс.

Харизматическая цель не артикулируема, а значит — иррациональна. Поэтому ритуальная политика требует монолитного единства не только в отношении цели, но и средств. Формула ритуальной политики такова: такие-то и такие-то цели могут быть достигнуты только такими-то средствами, ибо в конечном счете единственно истинным средством и является единственно истинный ритуал. Тех же, кто пытается искать альтернативные средства, деформирующие общепринятый ритуал, тут же страшат жупелом «раскола». Нарушающие ритуал — это «раскольники», то есть те же еретики. Вот почему основой избирательной кампании Саудиса стал карикатурный и даже комичный (если не говорить о его опасности) лозунг: будем избирать не по выдвигаемым принципам и программам, а будем избирать «личностей». А что же такое «личность» в этой ситуации?

Это человек, который строго придерживается ритуала и умеет очень точно повторять харизматические заклинания. Тот, кто не усвоил ритуального языка или не желает говорить на нем, уже не «личность» и потому не имеет никаких шансов быть избранным. Так открывается зеленая улица шарлатанам и камелеонам. Ведь прагматическая сторона деятельности будущего депутата избирателей не интересует; никто не спрашивает о программе его конкретных действий, никого не заботит, какая стоит за ним реальная политическая сила, какую реальную общественную силу он представляет. Не спрашивают, потому что таких сил попросту нет. «Личность» представляет только саму себя и харизматическую цель. А поскольку «личность» воплощает эту цель, то она сама и становится своеобразной конечной целью.

Полагаю, что именно поэтому у Саудиса до сих пор нет настоящих политиков и политических лидеров. Пока у нас есть лишь харизматические лидеры, которых оценивают не прагматически, а «самих по себе», как воплощение харизматической цели, как «слово, ставшее телом и живущее среди нас». Это угрожающий симптом, потому что харизматических лидеров с легкостью окружают ореолом незаменимых и неопибающихся махатм, потому что в такой среде чрезвычайно легко формируется патерналистское сознание. «Рядовой человек, а не «личность», снимает с себя личную ответственность и поручает ее «отцам и мамам нации». Вместе с тем он отказывается и от свободы, ибо прежде «отцы» навязывались путем открытого и грубого насилия, а нынешние и будущие избираются добровольно.

Еще один существенный и, с точки зрения прагматической политики, опасный компонент ритуальной политики — это комплекс униженных и

оскорбленных. В течение этих 18 месяцев мы все более и более вживались в роль мучеников, навязчиво доказывая себе и другим, что во всех наших бедах виноват кто-то другой, а мы сами только невинные агнцы, только жертвы. Опасно не то, что мы чувствуем (и совершенно обоснованно) историческую обиду; опасно то, что обиду и мученичество мы превратили в политический аргумент, наивно веря, что Восток или Запад, вне зависимости от их собственной пользы и собственных интересов, чем-то обязаны нам за эту обиду. Мы по-детски верим, что нашими бедами должны заниматься Вашингтон, Москва, Бонн, Лондон, наши эмигранты и вообще неизвестно кто, но только не мы сами. Даже от Горбачева мы требовали, чтобы, как очень точно он сам выразился, «он был бы большим литовцем, чем сами литовцы». Когда же этого не случилось, мы обиделись, как дети, которым добрый дядя не дал конфетки. Он стал плохим. С точки зрения ритуальной политики и харизматического сознания такая позиция московского лидера действительно возмутительна и обидна. Но с точки зрения прагматической политики эта позиция вполне понятна и не стоит из-за нее сжигать все мосты, озлобляться и вживаться в роль мученика. Один умный человек выразился так: бывшие мученики — никомушные политики. Добавлю: нынешние мученики — тоже. К сожалению, как я уже говорил, синдром мученичества — один из тех слонов, на которых покоится ритуальная политика Саудиса. Не пора ли как-нибудь избавиться от этого синдрома?

И, наконец, еще одно не менее вредное следствие ритуальной политики — фетишизация основных политических понятий и мистификация самой политики. По своей природе политические понятия рациональны и

инструментальны, а в харизматическом сознании они превращаются в ритуальные фетиши, идолы, существующие самостоятельно, по ту сторону мышления и поля деятельности личности. Такими ритуальными идолами стали ныне понятия: нация, демократия, право, закон. Молимся на демократию, совершенно не понимая той простой вещи, что демократия является следствием борьбы и компромисса многих политических сил и центров таких сил (партий), что она порождает очень четкие, строгие и, главное, легальные структуры политической жизни, выделяющиеся из мистического монолита «единства нации» и артикулирующие этот монолит. Демократия есть рационально воссоздаваемое единство противоречивых, противоборствующих социальных сил и интересов, абсолютно противоположное иррациональному и неартикулируемому «единству нации». Строго говоря, термины «нация» и «демократия» не согласуются, ибо «демократия» — категория политическая, а термин «нация» не имеет никакого политического содержания. Стремясь к демократии, нам следовало бы преодолеть предрассудок «национализма», фетиш «национального единства» и понять, что демократия в конечном счете — это рациональное понимание каждой личностью своего эгоистического интереса и сочетания этого интереса с эгоистическим интересом другой личности.

Пока вершится ритуальная политика, в ней сверху донизу главенствуют структуры зависимости. Таков главный парадокс этой политики: ориентированная на независимость, она покоится на фундаменте зависимости.

**«Согласие», издание
Литовского движения за
перестройку.**

СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС

Гасан ГУСЕЙНОВ

Желание честно и без недомолвок пересказать суть своего опыта — безотчетно, даже если вы обосновываете его рациональной нуждой разобраться в прошлом, дабы лучше понять настоящее и подготовиться к тому, что грядет.

Заговорить «в полный голос», вспомнить забытую правду. Дать слово молчавшим. Но вот парадокс гласности — права голоса, не завоеванного собственной рукой, неспособность признать свое историческое поражение прямо и ведет к невозможности передачи своего богатого опыта, а также, как это ни прискорбно, к безрезультатности его не только для грядущих поколений, но и для самого себя.

Не случайно ключевыми полюсами общественного напряжения стали синонимы **Мемориал** и **Память!** Они же — символы, камуфлирующие наказание. Как бы ни были различны стоящие за ними общественные силы, как ни омерзительна истерика национализма, как ни сочувствуешь тем, кто по крупницам собирает следы своего прошлого — черного и белого, ради блага будущих поколений, — слова эти отмечены общей иррациональной тгаой выпасть из истории.

Миллионы объединенных перестройкой людей делают вид, будто у них есть особое, специально для них отпущенное у жизни время, чтоб расквитаться с ошибками и преступлениями прошлого и выйти, нако-

пец, на правильную дорогу. Опасное ощущение паузы — одно из следствий словесного фетишизма, царящего в общественном сознании: стоило дать имя переживаемому периоду, и вот уже оно диктует восприятие происходящего.

Эпоха стала историей, в нее невозможно вернуться для повторной схватки с врагом на территории, где тот некогда одержал победу. И мучительная невозможность реванша компенсируется иллюзией социальной ценности воспоминаний.

Мысль, что надо перестать жить так, как жил еще вчера, возвышает, может быть, бросающего пить пьянчужку, но не может не унижить общество, ею захваченное. Очевидно, для нашего общества отказ от «застойного вчера» — это единственный человечески понятный лозунг момента. Общество, однако, уже перешагнуло этот рубеж и не приметно снова вступило в «исторически прогрессивный период», великодушно оправдав собственные мерзости «тяжким наследием прошлого».

Из общества, закрытого в будущее и занятого строительством реального социализма, советским людям предлагается стать обществом, закрытым в прошлое, или «вернуться к ленинским началам демократии», «переосмыслить весь свой исторический опыт». Предлагается подход к новому как к хорошо забытому старому. В рамках этой не более чем остроум-

ной политической фразы формируется парадоксальный депрессивно-агрессивный режим **перестройки прошлого**.

Нестарая мать молодого солдата прочтала в газете об убийстве сослуживцев-конвоиров, совершенном ровесником ее сына в отместку за издевательства, которым те подвергли своего будущего убийцу, и написала письмо в редакцию: «Читаю и плачу, откуда же, люди, на свете столько жестокости? Была б моя воля, я б таких обливала бензином и поджигала».

Вполне здоровый человек с предельной чистотой формулирует самую сердцевину социального и морального опыта личности в нашей стране.

Парадоксальной политической доктрине соответствует парадоксальное психологическое состояние. Формула его очень проста: «вспомнить» — «возродить». Каждый уважающий себя гражданин давно уже ходит со своим трехцветным флажком, драпируя пустой задник национальной сцены. Опрокинув в прошлое очередной социальный заказ, безымянные субъекты перестройки обретают ту самую развилку в своем историческом лесу, откуда они пойдут другим путем. Образу светлого будущего подмигивает образ светлого прошлого. Заблудившиеся люди ведут себя едва ли не по Борхесу. («Если не уверен в собственном существовании, сходи к фотографу и сфотографируйся».) А мы идем к этнографу, вколачиваем свою бессмертную душу в национальный костюм и учим ее, душу, говорить малознакомым языком предков. Вот только разговора не получается. Превный речевой опыт не отпускает людей.

Беда не только в неосторожно воплотившихся метафорах, вроде «возвращения к корням» (которое оборачивается, конечно, либо отка-

пыванием этих самых корней и гордливой демонстрацией национальных «сил», либо готовностью «закопать» противящихся перестройке поближе к корням, в мать-сыру-землю). Беда в том, что радостное шествие от убожества «самой научной идеологии» развернулось не в направлении здравого смысла, но в глубь самой идеологии. «Откуда такая жестокость?.. Облить их всех бензином...»

То, что было терпимо и даже мило, пока сидело в подтексте, оставаясь невысказанным или туманным, вдруг вынырнув на свет божий, показало копытца и рожки, а там — и когти, и клыки.

Получивший свободу идеологический человек оказывается не рационалистом, а дикарем. Как субъект, он готов лишь к разрушению и агрессии, как объект — поддается самому грубому манипулированию: холуйство («принципиальность», «уважение к руководству») уравнивается в нем мстительной жестокостью («чувство собственного достоинства», «уважение к себе и народу»), алчность прикрывается воплями о всеобщем равенстве, нечистоплотность — сурьальной проповедью «духовности».

Народ философов приступил к «осмыслению культа Сталина», к открытому выяснению сравнительных достоинств Бухарина и Троцкого, где каждый сочиняет уже свой «Краткий курс». Идеология, как смоляное чучело, еще теснее и жгучее прирастает к тем, кто берется сражаться с нею надежным оружием «чистой правды».

Сама мысль, что можно взять да озарить все лучом правды, — этот чистейший продукт идеологии воплощается в пиришестве невежд: астрологи вещают радиослушателям, что межнациональные конфликты в СССР подчиняются расположению звезд, а миллионы выпускников средних школ, техникумов и даже университетов сладострастно отмечают фи-

зические законы, лишь бы отдался целебному воздействию крема, «заряженного» телевизионным факиром.

И страшно читать обращенные к тебе самому слова Давидова Псалма: «Истребит Господь все уста лъстивые, язык велеречивый, тех, которые говорят: «Языком нашим переселим, уста наши с нами; кто нам господин?» Ради страдания нищих и воздыхания бедных ныне восстану, говорит Господь, поставлю в безопасности того, кого уловить хотят. Слова Господни — слова чистые, серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное. Ты, Господи, сохранишь их, соблюдешь от рода сего вовек».

* * *

Где они, чистые слова? Почему даже теперь, когда кошку назвали кошкой, продолжается пожирание языка идеологией? Как действует механизм обесмысливания, перед которым не может устоять никто, — ни тот, кто осознает свою беспомощность, ни

тот, кто опьянен своим владычеством над словами?

«Случилась беда, товарищи, но давайте уважать принятые нами ранее решения, это и есть демократия». — Люди, не способные признать свое поражение, обречены на новое насилие.

Вспоминаются фразы, эмблемы, флаги — все то, что без труда преодолевает десятилетия и даже века, а возрождаются — действия, чувства, строй мыслей. Вспоминается слово «милосердие», а возрождается ненависть. Вспоминается слово «вера», а возрождается златотканная братия среди полунищих старух. Вспоминается слово «покаяние», а подкатывает террор. Вспоминается «национальное возрождение», а возрождается, собственно говоря, — нацизм. Вспомнили было слово «свобода», но для начальничка никак кнут подлинней не найдут.

Из слов шьют саван для голого короля, а творимый ужас гонит людей за рубежи его королевства. При этом запас людей истощается, увь, куда быстрее, чем запас слов.

ПЕРЕСТРОЙКА КАК КАРНАВАЛ

Заметки культуролога

Левон АБРАМЯН

Один из универсальных законов организации человеческого общества — периодические, обычно годовые, праздники, во время которых общество и весь мир ввергаются в состояние хаоса, чтобы затем вновь восстановился космический порядок. Схема перехода Космос — Хаос — Космос так или иначе присутствует в любом обществе, проявляя себя в самых разных сферах человеческой культуры, — от древних театрализованных ритуалов до современных народных бунтов и революций.

Одним из главных символов, посредством которого наиболее зримо осуществляется ритуальный переход Космос — Хаос — Космос, является Царь, первый человек. Именно царь, отец, первый, ритуально (а порой и на самом деле) развенчивается, меняется местами с шутком, сыном, последним, чтобы к концу ритуала вновь водвориться (самому или рожденному из ритуала преемнику) на трон. Яркий пример таких иерархических перемещений, как показал М. Бахтин, являет собой средневековый карнавал.

Указанная архетипическая схема, как мы попытаемся показать ниже, способна даже управлять историей или по крайней мере вносить в нее коррективы. Итак, во время праздни-

ка карнавального типа Царь-отец, мудрейший, меняется местами с Сыном-дураком. Пройдя через такие очистительные обряды, как бы очистившись смехом, — недаром смех занимает важное место в карнавальных действиях — Царь-отец становится еще более могущественным и мудрым, а стоящее за ним общество — более жизнестойким.

Русские цари Иван Грозный и Петр Первый нередко совершали потешные церемонии, причем делали это не только потому, что так традиционно должны были оформляться их политические функции, но и потому, что самим царям и их окружению был вообще близок карнавальный дух маскарада и переряживания. Но такие «карнавалы» длились, как правило, недолго, и Царь-отец вновь представлял в своем грозном виде. В истории нашей страны, однако, известны периоды, когда эпоха Отца-царя длилась достаточно долго без очищающего и оздоровительного вторжения карнавального хаоса Сына-дурака.

Если Сталину и была присуща некоторая карнавальность, то она ограничивалась узкими рамками приближенных, которые в лучшем случае становились объектами царских прихотей и шуток. «Карнавал» наступил лишь после смерти Отца-тирана, с

приходом озорного Сына, чья роль выпала Хрущеву.

Свергнуть Отца может лишь мифологический шут — Сын-дурак. Судьба распорядилась так, что Хрущев не только своей исторической миссией, но и внешними чертами и поступками как бы работал в пользу образа мифологического Сына-дурака. Ф. Бурлацкий в своем эссе «Хрущев. Штрихи к политическому портрету» пишет: «Никколо Макиавелли, этот блистательный разоблачитель тирании, бросил некогда фразу: «Брут стал бы Цезарем, если бы притворился дураком». Думается, Хрущеву каким-то образом удалось притвориться человеком вполне ручным, без особых амбиций. Рассказывали, что во время длительных ночных посиделок на ближней даче в Кунцеве, где вождь жил последние тридцать лет, Хрущев отплясывал гопака».

Такая приниженность, простонародность — характерный признак мифологического дурака. Но дело не только во внешних признаках. Хрущев и своими поступками дополняет выпавшую ему историческую роль. Так он «карнавально» переставлял верх и низ — стучал башмаком (низовым объектом) по трибуне на высшем мировом форуме (по самому верху), давал высшее звание героя самым «низовым» людям, наконец, поднялся на трибуну Мавзолея, став наверху Отца, более того, переместил его из ритуального фараонского зримого бессмертия в невидимый низ могилы. Отметим еще таинственную «кузькину мать», упоминавшуюся с высоких трибун, и проводимый Хрущевым курс на бездумную сплошную культивацию кукурузы — ср. сказочного дурака, путающего злаки и сорняки, домашних и диких животных.

Таким образом, эпоха Отца-тирана сменилась эпохой Сына-дурака, которая так же, как предыдущая, шла фактически с одним героем, на этот раз

карнавальным шутом, который тоже не может существовать долго один, без Отца. По логике карнавала на смену шутовскому царю должен вновь прийти Царь-отец. Наступила эпоха правления Брежнева, или, как ее теперь называют, эпоха застоя. Карнавал завершился, но на смену Сыну пришел не настоящий Отец, а его подмена, воцарился не Царь, а Лжецарь, Самозванец. Но, видимо, впервые Лжеотец оказался настоящей карикатурной подменой Отца.

Если Отец написал «фундаментальные» многотомные труды, то Лжеотец — три тоненькие брошюры (да и то не сам); если первый отвоевал, можно сказать, Большую землю, то второй — Малую землю; если у одного был акцент, то у другого — дефект речи. Даже знаменитые усы Отца получили карикатурный аналог у Лжеотца — не менее знаменитые брови. Даже день рождения Самозванца — 19 декабря — чуть-чуть не дотянулся до заветного 21 декабря. И вообще, «культ личности», который пытались насадить Брежнев и его сподвижники, так и не был никем серьезно воспринят и носил откровенно карикатурный характер.

* * *

Эту часть своей статьи автор осмыслил еще в эпоху Лжеотца и с тревогой ждал, что ждет страну, — ведь после Лжеотца всегда приходит настоящий Отец! Может быть, Отец вернулся вместе с Андроповым — вспомним первые массовые минирепрессии за нарушения трудовой дисциплины — однако краткий период правления не успел обрести статуса исторической эпохи, не оброс анекдотами и не получил соответствующей мифологической оценки. Так что упорная закономерность вроде бы потерпела неудачу. Следую-

ший правитель — Черненко — оставил еще меньший след в истории.

Теперь мы переживаем эпоху перестройки, и какой она будет, должно отразиться в мифологическом образе, который закрепляется за лидером. В контексте предыдущих наблюдений над карнавализацией в истории у Горбачева, в отличие от предшественников, имеется большая свобода выбора, если принять, пусть с натяжкой (из-за недостаточного проявления двух предыдущих минизпох), что предыдущий цикл все же завершился или просто был нарушен. Однако здесь мы, по-видимому, сталкиваемся с более неоднозначной ситуацией: эпохи перестают следовать разрозненно одна за другой, и устанавливается порядок, возвращающий нас к архаичному состоянию, когда правитель соединяет в себе Отца и Сына и Царя и Шута.

Эта двойственность видна уже во внешних чертах Горбачева. С одной стороны, он прост и обыкновенен, легко сливается с народом. Он к тому же не лишен карнавального задора, что сближает его с Хрущевым. И хотя он не столь карнавально колоритен, тем не менее сын Хрущева, выступая 26 марта 1989 года по воскресному выпуску программы «Взгляд», не без оснований заметил, что Горбачев похож на его отца и чисто внешне. С другой стороны, простота и неприметность Горбачева сочетаются с очевидной отмеченностью — родимым пятном на лбу, напоминающим божественный знак, которым отмечен младший сын сказок и по которому признают в нем будущего царя. Такая двойственность видна также в том, что на парадных плакатах и фотографиях родимое пятно тщательно ретушируется, тогда как на карикатурах оно, наоборот, специально обыгрывается.

Реальную опасность возвращения Отца многие усмотрели в форсиро-

ванных недавних выборах Горбачева на пост президента страны. Причем вопрос вовсе не в том, что президент, узурпировав власть, должен непременно обратиться в диктатора. Уже в постановке самого вопроса о такой возможности, о чем говорили многие выступавшие на третьем внеочередном Съезде народных депутатов, проглядывает зловещая тень Отцатирана.

Вместе с тем, много признаков безрассудного Сына-весельчака можно увидеть в структуре объявленной Горбачевым политике демократизации и гласности, где вообще можно заметить много признаков карнавальности и духа народного праздника. Это можно увидеть на примере массовых народных выступлений в Армении, выказывающих удивительное структурное сходство с архаическим праздником. Даже слова, составившие знаменитую триаду «гласность — демократизация — перестройка», образуют знакомую нам уже схему перехода хаоса в космос. Так, основа «глас» слова «гласность» — это не безучастная «свобода слова», а голос-звук, направленный на жадного слушателя. Показательно, что армянское соответствие понятию «гласность» имеет в своей основе слово «площадь» — ту самую площадь, куда народ вышел, как во времена средневекового карнавала, на праздник гласности.

В начале демократических преобразований скептики и недоброжелатели нередко саркастически сопоставляли демократию и демократизацию — другой член горбачевской триады, не замечая скрытого в нем движения, раскрепощения и эйфории народного праздника. И, наконец, за этим «хаосом» (гласностью — демократизацией) следует «перестройка» — типичное слово из словаря новообразующегося космоса.

Следует заметить, что указанная

триада, вошедшая сегодня чуть ли не во все языки мира, вряд ли обязана своим происхождением глубокому предреформенному анализу. Напомним, что первые шаги перестройки были достаточно прочно связаны с мифологическими схемами прошлых лет. Так, лозунг «ускорение» как бы логически вырос из праздновавшегося в первые дни правления Горбачева юбилея стахановского движения — яркого мифа сталинской эпохи. Этот лозунг быстро был предан забвению после «ускоренно» построенной — и взорвавшейся еще быстрее — злополучной Чернобыльской АЭС. Другой лозунг — «интенсификация», фактически, тоже имел мифологическую природу: он, например, сулил вместо нескольких коров одну чудесную корову, дающую столько же молока. Так что знаменитая триада появилась после довольно беспорядочных и мучительных попыток найти спасительный ход, чтобы вывести страну из бедственного положения.

После лихорадочных мифологических поисков решения был как бы объявлен праздник, некий ритуальный хаос, из которого должен был чудесно организоваться космос. Был объявлен «праздник» во всех сферах, в том числе и в экономике. Но праздник в экономике — это его разрушение, и если вовремя не заложить фундамент нового космоса, то после праздника невозможно будет вернуться даже к старой, изношенной его модели.

Еще один явный мифологический признак появился вдруг у Отца, когда

Горбачев, приехав в разрушенный землетрясением Ленинакан, объявил, что его восстанавливают за два года. Так в сказках младший сын берется построить за ночь целый город, надеясь на чудесных помощников. Теперь же роль чудесных помощников должны выполнить братские народы союзных республик. Разумеется, это можно было бы расценить как простую ошибку Сына, тем более, что сказочному сроку созидания помешали козни одного из мифических помощников, — блокада со стороны соседней республики. Однако сказочное здание, как в былые дни Отца-тирана, было воспринято местными властями как откровение свыше, и тут же нашлись градостроители, погубившие податливые многовековые пашни под фундамент «скорых» домов. Последний пример хорошо показывает, как мифологическая природа Отца, на мгновение обращающегося в Сына, может привести в движение сложный механизм, по сути своей деструктивный, в масштабах не только отдельного региона, но и, не исключено, всей страны.

Возвращаясь к схеме, которая продолжает тайно управлять нашей историей, хочется верить, что уже то обстоятельство, что сегодня Отец и Сын совместились в одном образе, есть добрый знак возврата общества в состояние целостности, и что тирания Отца будет остерегаться безрассудного бесстрашия Сына, в то же время спасая нас от чрезмерных плодов его безрассудства.

Бюллетень „Век XX и мир“ № 6 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Типография изд. АПН. 107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Сдано в набор 17.04.90. Подписано в печать 14.05.90. Б 04444.

Заказ 919. Объем 3 п. л.

Отпечатано в типографии № 6. Тираж 220 000 экз.

**ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках

Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XXE SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
Ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

